

З В Е З Д Ы М И Р О В О Г О Д Е Т Е К Т И В А

Молниеносно
и brutally.

The New York
Times

ЛИ ЧАЙЛД

Д Ж Е К Р И Ч Е Р :

ЦЕНА
ЕЕ ЖИЗНИ

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О « А З Б У К А »

Ли Чайлд
Цена ее жизни

Если бы я перечислил все то, в чем выражается ее помощь, это посвящение получилось бы более объемным, чем сама книга. Поэтому я просто говорю: моей жене Джейн с выражением огромной признательности

Lee Child
DIE TRYING

Copyright © Lee Child 1998

This edition is published by arrangement with Darley Anderson Literary, TV & Film Agency and The Van Lear Agency
All rights reserved

© С. М. Саксин, перевод, 2007

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Натан Рубин погиб из-за собственной храбрости. Причем не той осторожной и осмотрительной, за которую во время войны награждают орденами и медалями. Его погубила вспышка слепой ярости, длившаяся всего какую-то долю секунды.

Рубин вышел из дома рано, как поступал обычно шесть дней в неделю, пятьдесят недель в году. Умеренный завтрак, подобающий невысокому полноватому мужчине сорока с лишним лет, который стремится сохранить форму. Долгое шествие по застеленным коврами коридорам особняка на берегу озера – особняка, приличествующего человеку, который в каждый из этих трехсот рабочих дней получает по тысяче долларов. Большой палец на кнопке ворот гаража, движение запястьем, заставляющее заработать бесшумный двигатель дорогого импортного седана. Компакт-диск, вставленный в проигрыватель, выезд задом на дорожку, мощенную гравием, тычок в педаль тормоза, переключение передач, плавное нажатие на газ – и последняя короткая поездка в его жизни. Шесть часов сорок девять минут утра, понедельник.

По дороге на работу светофоры везде зажигали зеленый свет, что, возможно, и послужило косвенной причиной его смерти. Именно из-за этого Рубин поставил машину на отдельную стоянку за зданием, в котором работал, за тридцать восемь секунд до окончания первой части Прелюдии и фуги си минор Баха. Оставаясь в машине, он дождался, пока не затихли последние аккорды органа; следовательно, он вышел из машины, когда трое мужчин подошли уже достаточно близко, чтобы можно было сделать какие-то предположения об их намерениях. Он взглянул на них. Мужчины отвернулись и направились в другую сторону, шагая в ногу, словно танцоры или солдаты. Рубин двинулся к зданию. Затем вдруг остановился и обернулся. Мужчины стояли рядом с его машиной. И пытались открыть двери.

– Эй! – крикнул он.

Это краткое восклицание везде и всегда служит выражением удивления, негодования, вызова. Такой звук непроизвольно издает честный, наивный гражданин, столкнувшись с чем-то таким, чего не должно быть. Не раздумывая ни секунды, Рубин устремился обратно к машине. Противники втрое превосходили его числом, но его дело было правым, и это придавало ему уверенности в собственных силах. Рубин вернулся к машине, переполненный праведным гневом, чувствуя себя хозяином ситуации.

Однако это чувство было призрачным. Мягкий, изнеженный горожанин никогда не может быть хозяином подобной ситуации. Мышцы Рубина были натренированы в фитнес-центре. В данном случае это не шло в счет. Упругая мускулатура его брюшного пресса оказалась пробита первым же ударом. Он уронил голову вперед, и твердые костяшки пальцев превратили в кровавое месиво его губы и выбили ему зубы. Грубые руки схватили его так, словно он совершенно ничего не весил. У него из руки вырвали ключи от машины, а сам он получил сокрушительный удар в ухо. Его рот наполнился кровью. Рубин повалился на асфальт, и тяжелые ботинки заколотили его по спине. Затем по почкам. Затем по голове. Он потерял сознание, отключился, словно телевизор в грозу. Окружающий мир перед его глазами просто исчез. Сжался до тонкой горячей полоски и, дернувшись, превратился в ничто.

И Рубин умер, потому что на какую-то долю секунды отдался храбрости. Но это произошло позже. Значительно позже, после того как мгновение храбрости растворилось в бесконечных часах отчаянного страха, которые, в свою очередь, взорвались долгими минутами безумно вопящего ужаса.

* * *

Джек Ричер остался жив, потому что повел себя осторожно. Он повел себя осторожно, потому что услышал отголосок из прошлого. У него было богатое прошлое, и этот отголосок донесся из худшей его части.

Ричер прослужил в армии тринадцать лет, и в тот единственный раз, когда он был ранен, виновата оказалась не пуля. Ранение причинил осколок челюсти одного сержанта морской пехоты. Ричер в то время служил в Бейруте, на военной базе, расположенной рядом с аэропортом. Эту базу атаковал на грузовике, начиненном взрывчаткой, террорист-смертник. Ричер дежурил у ворот. Злополучный сержант морской пехоты находился на сотню ярдов ближе к месту взрыва. От него уцелел лишь тот самый осколок челюсти. Осколок попал в Ричера, стоявшего на удалении ста ярдов, и прошел через внутренности, словно пуля. Военный хирург, зашивавший Ричера, сказал, что ему повезло. Попадание настоящей пули стало бы куда более болезненным. Это и был тот самый отголосок из прошлого, и Ричер внимательно к нему прислушался, потому что тринадцать лет спустя ему в живот был направлен пистолет. Причем с расстояния всего около полутора дюймов.

Это был автоматический пистолет калибра девять миллиметров. Совершенно новый. В заводской смазке. Пистолет был нацелен низко, в ту самую область, где остался шрам. Мужчина, державший пистолет, более или менее знал свое дело. Оружие было снято с предохранителя. Дуло застыло практически неподвижно. В мышцах руки никакого напряжения. Указательный палец приготовился выполнить свою работу. Ричер понял все это с первого взгляда. Он очень внимательно смотрел на указательный палец, лежащий на спусковом крючке.

Ричер стоял рядом с женщиной, поддерживая ее под руку. Он видел эту женщину первый раз в жизни. Ей в живот был направлен абсолютно такой же девятимиллиметровый пистолет. Тот тип, который целился в женщину, держался более возбужденно. Он заметно нервничал. Волновался. Пистолет дрожал у него в руке. У

него были обгрызенные ногти. Нервный, дерганый тип. Все четверо стояли посреди улицы: трое – застыв неподвижно, словно каменные изваяния, четвертый – переступая с ноги на ногу.

Это происходило в Чикаго. В центре города, на оживленном тротуаре, в понедельник, в последний день июня. Самый разгар дня, яркое летнее солнце. Все произошло за какую-то долю секунды. Произошло спонтанно, как нельзя было бы отрепетировать и за миллион лет. Ричер шел по улице, не имея определенной цели, не быстро и не медленно. Он проходил мимо двери химчистки. Дверь распахнулась прямо у него перед носом, и на тротуар ему под ноги с грохотом упал металлический костыль. Подняв взгляд, Ричер увидел в дверях женщину, готовую вот-вот выронить девять пакетов с вещами, которые она неловко держала в охапке. Возраст около тридцати лет, дорогая одежда, смуглая кожа; привлекательная, уверенная в себе женщина. У нее было что-то с ногой. Скорее всего, травма. По ее неуклюжей позе Ричер понял, что травма причиняет женщине боль. Она бросила на него взгляд, красноречиво призывающий на помощь, и он, тоже молча выразив готовность помочь, нагнулся и подобрал с асфальта костыль. Одной рукой забрал у женщины пакеты, другой протянул костыль. Закинул пакеты через плечо и ощутил, как девять проволочных вешалок впиваются в палец. Опершись костылем об асфальт, женщина удобно обхватила изогнутую металлическую ручку. Ричер предложил ей руку. Она помедлила. Затем смущенно кивнула, и Ричер взял ее под руку, ощущая неловкость. Они повернулись и двинулись вперед. Ричер решил проводить женщину несколько шагов, чтобы она почувствовала себя на ногах уверенно. После чего убрать руку и вернуть женщине пакеты с одеждой. Но вместо этого они наткнулись на двоих мужчин с девятимиллиметровыми пистолетами.

Все четверо стояли лицом к лицу, разбившись на пары. Подобно четырем посетителям ресторана, которые устроились обедать в тесном отдельном кабинете. Мужчины с пистолетами были белые и откормленные; в их поведении чувствовалась армейская выправка,

и они были чем-то похожи друг на друга. Среднего роста, с коротко стриженными темными волосами и крупными мускулистыми руками. Широкие тупые лица, напряженные, жесткие взгляды. Нервный был мельче своего напарника, словно, переживая, он сжигал дополнительную энергию. Оба были в клетчатых рубашках и поплиновых ветровках. Мужчины стояли рядом, плечом к плечу. Ричер был значительно выше ростом остальных троих и видел все вокруг поверх их голов. Он стоял, опешив от изумления, с перекинутыми через плечо пакетами с одеждой. Женщина, опираясь на трость, молча смотрела перед собой. Парни держали пистолеты, направленные в упор. Ричеру показалось, они простояли так довольно долго. Но на самом деле он знал, что это чувство обманчивое. Вероятно, все продолжалось не больше двух-трех секунд.

Мужчина, стоявший перед Ричером, судя по всему, был главным. Выше своего напарника, шире в плечах. Более спокойный. Он перевел взгляд с Ричера на женщину и дернул стволом пистолета, указывая на проезжую часть.

– Садись в машину, стерва, – бросил он. – И ты тоже, козел.

Мужчина говорил выразительно, но тихо. Повелительным тоном, практически без акцента. Ричер предположил, что он, скорее всего, из Калифорнии. У тротуара стояла машина. Ждавшая именно их. Большой дорогой черный седан. Водитель, обернувшись, протянул руку и открыл заднюю дверь. Мужчина, стоявший напротив Ричера, снова сделал движение пистолетом. Ричер не шелохнулся. Огляделся по сторонам. По его прикидке, у него было несколько секунд, чтобы принять решение. Двое типов с девятимиллиметровыми пистолетами особенно его не волновали. Ричер мог действовать только одной рукой, поскольку во второй были пакеты из химчистки, но он решил, что справится с типами без особых проблем. Проблемы начинались рядом с ним и у него за спиной. Ричер посмотрел в витрину химчистки как в зеркало. В двадцати ярдах за ним по перекрестку двигалась сплошная стена спешащих

пешеходов. Пара шальных пуль найдет пару случайных жертв. В этом можно не сомневаться. Это абсолютно точно. В этом заключалась та проблема, что была у Ричера за спиной. Проблема рядом с ним заключалась в незнакомой женщине. Ее способности представляли собой неизвестный фактор. У нее травмирована нога. Женщина среагирует медленно. И движения ее тоже будут медленными. Ричер был готов вступить в схватку, но только не в таком окружении и только не с таким напарником.

Мужчина с калифорнийским акцентом протянул руку и схватил Ричера за запястье, прижатое к ключице тяжестью девяти пакетов из химчистки. Рывком дернул его к машине. Его указательный палец на спусковом крючке по-прежнему был готов к работе. Ричер следил за ним краем глаза. Он отпустил руку женщины и шагнул к машине. Забросил пакеты на заднее сиденье и забрался в салон. Женщину втолкнули в машину следом за ним. Последним на заднее сиденье плюхнулся нервный и захлопнул за собой дверь. Главный сел спереди справа. Захлопнул дверь. Водитель переключил передачу, и машина тихо и плавно тронулась с места.

* * *

Женщина стонала от боли, и Ричер предположил, что нервный ткнул ее в ребра пистолетом. Главный, развернувшись на переднем сиденье, положил руку с пистолетом на толстый кожаный подголовник. Пистолет был направлен Ричеру в грудь. Это был «Глок-17». Об этом оружии Ричеру было известно все. По заказу своей части он проводил комплексное тестирование. Это задание ему поручили, когда он поправлялся после ранения, полученного в Бейруте. Для своих небольших размеров «глок» показал себя очень неплохо. Ствол длиной семь с половиной дюймов от бойка до дула. Достаточный для обеспечения точности стрельбы. С расстояния семьдесят пять футов Ричер пулями загонял в доску кнопки.

Боеприпасы тоже мощные. Пуля весом в четверть унции покидала ствол со скоростью почти восемьсот миль в час. Емкость обоймы – семнадцать патронов, отсюда название модели. И еще пистолет был очень легким. При всей своей огневой мощи он весил меньше двух фунтов. Главные детали были из стали. Все остальное – пластмасса. Черный полимер, как на дорогом фотоаппарате. В целом замечательно сработанная штукавина.

Но Ричер был не в восторге от «глока». Пистолет совсем не удовлетворял специальным требованиям его части. Ричер рекомендовал отказаться от этой модели. Вместо этого он предложил «Беретту-92Ф». Также калибра девять миллиметров, «беретта» была на полфунта тяжелее и на дюйм короче, а в обойме помещалось на два патрона меньше. Однако убойная сила была на десять процентов выше, чем у «глока». А для Ричера это имело очень большое значение. Кроме того, в «беретте» почти не было пластмассы. Ричер остановил свой выбор на «беретте». Командир части, в которой он служил, его поддержал. Он отправил по инстанции заключение Ричера, и армейское руководство в целом согласилось с ним. На той самой неделе, когда Ричеру на грудь прикололи Серебряную звезду и «Пурпурное сердце», армия сделала заказ на «беретты», хотя «беретты» были более дорогими, НАТО всеми силами поддерживало «глоки», а голос Ричера, только что окончившего академию Уэст-Пойнт, звучал совсем одиноко. Потом Ричера переводили с места на место, он служил на военных базах, раскиданных по всему земному шару, но больше ни разу не видел «Глок-17». До сих пор. Двенадцать лет спустя ему во второй раз представилась возможность хорошо рассмотреть пистолет.

Оторвав взгляд от оружия, Ричер посмотрел на мужчину, который его держал. Лицо загорелое, вдоль линии волос белая полоса. Стригся недавно. У водителя был широкий лоб, блестящий от пота, зачесанные назад редящие волосы, пухлое розовое лицо и самодовольная ухмылка урода, считающего себя красавцем. Такая же дешевая рубашка, купленная на распродаже, такая же ветровка.

Такое же брюшко, говорящее о любви к попкорну. Такая же властная самоуверенность, чуть тронутая легким волнением. Трое мужчин в возрасте от тридцати до тридцати пяти: один главарь, один спокойный подчиненный, один нервный подчиненный. Все в напряжении, однако повторяют хорошо заученные действия. Загадка. Оторвав взгляд от неподвижного дула «глока», Ричер посмотрел в лицо главарю, но тот покачал головой.

– Никаких разговоров, козел. Один звук – и я тебя пристрелю. Поверь мне на слово. Молчи – и все будет хорошо.

Ричер ему поверил. Глаза главаря были тверды как сталь, а рот сжался в узкую полоску. Поэтому Ричер молчал. Машина сбавила скорость и свернула к зданию заброшенного завода. Обогнула его по неровному бетонному покрытию. По прикидкам Ричера, они отъехали миль пятьдесят на юг от Чикаго. Водитель остановил седан так, что его задняя дверь оказалась рядом с задней дверью маленького грузового автофургона. Кроме фургона, других машин на стоянке не было. Это был «форд-эконолайн», грязно-белый, еще не старый, но выдавший виды. Раньше на борту имелась какая-то надпись. Теперь она была покрашена белой краской, не совпадавшей по оттенку с основной. Ричер осмотрелся по сторонам. На стоянке валялось много мусора. Недалеко от фургона стояла пустая банка из-под краски. И кисть. Вокруг ни души. Стоянка была пустынной. Если предпринимать какие-либо шаги к спасению, то сейчас было самое время и самое место. Но главарь, едва заметно усмехнувшись, перегнулся назад. Лево́й рукой схватил Ричера за шиворот и приставил к его уху дуло «глока».

– Сиди сми́рно, козел!

Водитель вышел из машины и обошел вокруг капота. Достал из кармана ключи и отпер заднюю дверь фургона. Ричер сидел неподвижно. Прижимать дуло пистолета к уху – поступок не слишком умный. Если резко дернуть головой, пистолет скользнет по лбу. После чего даже быстрое нажатие на спусковой крючок не наделает много беды. Возможно, пуля продырявит ухо над самой

мочкой, и от грохота выстрела уж точно лопнет барабанная перепонка. Но эти раны не будут смертельными. Какое-то мгновение Ричер взвешивал за и против. Но тут нервный вытащил женщину из машины и втолкнул ее в фургон. Ричер следил за ней краем глаза, пока она ковыляла несколько шагов от одной двери до другой. Вырвав из рук женщины сумку, парень швырнул ее в салон седана. Сумка упала Ричеру под ноги и тяжело ударилась о толстый коврик. Большая сумка, дорогая кожа, внутри что-то тяжелое. Что-то металлическое. Такой гулкий звук способен издать только один металлический предмет, который может оказаться в женской сумочке. Ричер посмотрел на свою спутницу с внезапным любопытством.

Она лежала, растянувшись на полу фургона в неловкой позе. Ей мешала травмированная нога. Затем главарь, сидевший спереди, толкнул Ричера по кожаному сиденью в руки нервному. Как только один «глок» оторвался от уха Ричера, второй воткнулся ему в бок. Ричера вытащили на неровный бетон. Подвели к двери фургона. Затолкали внутрь, к женщине. Нервный держал обоих под прицелом трясущегося «глока», а главарь тем временем достал из седана костыль, подошел к фургону и зашвырнул его внутрь. Костыль с грохотом ударился о металлическую обшивку. Пакеты с одеждой из химчистки и сумочка остались в легковой машине. Затем главарь достал из кармана наручники. Поймал женщину за запястье правой руки и защелкнул на нем один браслет. Грубо дернул ее вбок и схватил Ричера за запястье левой руки. Защелкнул на нем второй браслет. Подергал за цепочку, проверяя, что наручники надеты надежно. Захлопнул левую заднюю дверь фургона. Ричер увидел, как водитель поливает салон седана из пластиковых бутылок. Разглядел бледно-желтую жидкость, уловил сильный запах бензина. Одна бутылка на передние сиденья, другая – на задние. Тут главарь захлопнул правую дверь фургона. Последнее, что успел увидеть Ричер до того, как его окутал мрак, был водитель, достававший из кармана спички.

Глава 2

А в это время в тысяче семистах двух милях от Чикаго готовили апартаменты для гостей. Эти апартаменты представляли собой единственную комнату. Комната обладала необычным дизайном, который определил человек обстоятельный после долгих, всесторонних размышлений. Этот дизайн имел несколько специфических особенностей.

Комната была оборудована для особенной цели и для особенного гостя. Природа этой цели и личность гостя продиктовали необычность дизайна. Помещение было обустроено на втором этаже давно построенного здания. Под него была выбрана угловая комната. Эта комната имела несколько больших окон, выходящих на две стороны – на юг и на восток. Стекла в окнах были выбиты и заменены толстой фанерой, прибитой гвоздями к сохранившимся рамам. Снаружи фанера была выкрашена белой краской, в тон стен здания. Изнутри она осталась необработанной.

Потолок в угловой комнате был выломан. Здание было старым, с толстым слоем штукатурки на потолке. Вся она пролилась дождем удушливой пыли. Теперь верх помещения оказался открыт до самых стропил. Внутренняя обшивка стен также была сорвана. Стены были обшиты старой сосной, гладкой от времени и полировки. Все это исчезло. Обнажился каркас здания и плотный старый рубероид под наружной обшивкой. Половицы были оторваны. Под массивными балками перекрытий стал виден потолок помещений первого этажа, покрытый толстым слоем пыли. От комнаты осталась лишь оболочка.

Обломки штукатурки с потолка, доски внутренней обшивки и половицы были выброшены из окон до того, как их заколотили фанерой. Двое рабочих, осуществивших переустройство комнаты, лопатами сгребли строительный мусор в большую кучу и подогнали к ней задом свой грузовик. Им не терпелось оставить после себя чистоту и порядок. Они впервые работали на этого заказчика,

намекнувшего о том, что в будущем у него появятся и другие заказы. И, оглядываясь вокруг, рабочие видели, что дел здесь – начать и кончить. То есть ситуация внушала оптимизм. Найти новые заказы сейчас было очень нелегко, а этот заказчик не стоял за ценой. Рабочие решили, что в их собственных интересах произвести выполнением первого же заказа благоприятное впечатление. Они загружали в машину осколки штукатурки, стараясь ничего не оставить на земле, и в этот момент к ним подошел сам заказчик.

– Все сделано? – спросил он.

Заказчик был здоровенный верзила, одутловатый, с писклявым голосом и двумя красными пятнами размером с десятицентовые монеты, горящими на бледных щеках. Однако передвигался он легко и бесшумно, словно имел вчетверо меньшие габариты. В целом получался не слишком приятный тип, от которого все отворачивались и которому отвечали подобострастно, без промедления.

– Только что закончили уборку, – ответил один из рабочих. – Куда отвезти мусор?

– Я вам покажу, – сказал заказчик. – Придется сделать две ездки. Отвезете вот эти доски отдельно, хорошо?

Второй рабочий кивнул. Половицы, имевшие в ширину по восемнадцать дюймов, были сделаны в те времена, когда лесозаготовщики могли валить любое приглянувшееся дерево. Они все равно не поместились бы в кузов грузовика вместе с остальным мусором. Рабочие покидали в кузов остатки штукатурки, и заказчик втиснулся в кабину вместе с ними. Он был крупный мужчина, и им пришлось потесниться.

– Надо проехать на север, – сказал заказчик, указывая рукой. – Где-то с милю.

Выйдя за пределы городка, дорога стала взбираться вверх, выписывая крутые повороты. Заказчик ткнул рукой.

– Вот сюда, – сказал он. – К дальней стене, хорошо?

С этими словами заказчик неслышно удалился. Рабочие разгрузили машину, вернулись обратно и покидали в кузов старые сосновые половицы. Снова попетляв по извилистой дороге, прибыли на место. Выгрузили доски и аккуратно сложили их. Как только они закончили, откуда-то из тени вышел заказчик. Он ждал рабочих. У него в руке что-то было.

– Все кончено, – сказал один из рабочих.

Заказчик кивнул.

– Это ты точно подметил.

Он поднял руку. В ней был зажат пистолет. Первого рабочего заказчик убил выстрелом в голову. Раздался оглушительный грохот. Во все стороны брызнули осколки кости и мозг. Второй рабочий застыл в ужасе. Затем, опомнившись, бросился бежать, кидаясь из стороны в сторону, отчаянно пытаясь достичь укрытия. Заказчик усмехнулся. Ему нравилось стрелять по бегущим мишеням. Он чуть опустил вниз свою здоровенную лапищу. Выстрелил и всадил второму рабочему пулю в колено. Снова усмехнулся. Вот так-то лучше. Ему нравилось, когда жертвы бежали, но еще больше ему нравилось, когда они корчились на земле. Некоторое время заказчик стоял на месте, слушая вопли раненого. Затем бесшумно приблизился к нему и тщательно прицелился. Второй пулей раздробил другое колено. Но вскоре игра ему наскучила. Пожав плечами, заказчик добил рабочего выстрелом в голову. Положил пистолет на землю и перекатил трупы, аккуратно уложив их рядом со старыми половицами.

Глава 3

Они провели в пути один час тридцать три минуты. Сначала ползли по городским улицам, затем набрали скорость, выйдя на трассу. Всего проехали миль шестьдесят. Однако в грохочущем мраке закрытого фургона Ричер не имел ни малейшей возможности определить, в каком именно направлении проделаны эти шестьдесят миль.

Он был прикован наручниками к молодой женщине с травмированной ногой, и в течение первых минут вынужденного знакомства они лишь пытались устроиться поудобнее, насколько это было возможно в сложившихся обстоятельствах. Они ползали по полу фургона до тех пор, пока не уселись у правого борта, по обе стороны от большой колесной арки, вытянув ноги. Женщина оказалась в задней части фургона, а Ричер – ближе к кабине. Их скованные запястья лежали на плоском металлическом наросте так, словно они были возлюбленными, наслаждавшимися обществом друг друга за столиком в кафе.

Первое время они не разговаривали. Просто сидели молча, приходя в себя. Первоочередной проблемой была жара. Последний день июня, самое сердце Среднего Запада. Они были заперты в замкнутой железной коробке. Вентиляция отсутствовала. Потoki воздуха, обтекавшие кузов, играли роль своеобразного охладителя, однако этого явно не хватало.

Ричер просто сидел в полумраке и использовал жаркое время безделья на размышления и планы, как его обучили делать. Сохраняя спокойствие и хладнокровие, оставаясь в готовности, не сжигая энергию на бесполезную суету. Оценивая и осмысливая. Трое напавших продемонстрировали определенную степень эффективности. Ничего особенного, без филигранного таланта, но и без существенных ошибок. Нервный тип с «глоком» был в команде самым слабым звеном, однако главарь его достаточно хорошо

подстраховывал. В целом весьма действенное трио. Далеко не худшее из того, что доводилось видеть Ричеру. Однако пока что он еще не начал беспокоиться. Ему приходилось бывать в ситуациях и похуже, и он выходил из них живым и невредимым.

Затем Ричер обратил внимание на одну любопытную деталь. Женщина также сохраняла спокойствие. Она просто сидела, покачиваясь, прикованная к его запястью, и размышляла и строила планы, как, вероятно, тоже была обучена. Взглянув на нее в полумраке, Ричер увидел, что женщина пристально смотрит на него. Взгляд вопросительный, спокойный, повелительный, с намеком на превосходство, с оттенком неодобрения. Самоуверенность молодости. Встретившись глазами с Ричером, женщина долго не отводила взгляд. Наконец она протянула скованную наручниками правую руку, тем самым дернув Ричера за левую, однако это был подбадривающий жест. Неловко повернувшись, Ричер пожал ей руку, и они усмехнулись этому своеобразному этикету.

– Холли Джонсон, – представилась женщина.

Она оценивающе смотрела на своего спутника. Ричер чувствовал, как ее взгляд путешествует по его лицу, спускается на одежду и снова возвращается к лицу. Женщина опять улыбнулась, как будто пришла к выводу, что ее спутник заслуживает определенной учтивости в обращении.

– Рада с вами познакомиться, – добавила она.

Ричер в свою очередь всмотрелся в ее лицо. Холли Джонсон была очень привлекательной женщиной. Возраст лет двадцать шесть – двадцать семь. Ричер оценивающим взглядом пробежал по ее одежде. У него в голове мелькнула строчка из старой песни: «Стодолларовые платья, за которые я еще не заплатила». Он попробовал вспомнить продолжение, но не смог. Поэтому просто улыбнулся в ответ и кивнул.

– Джек Ричер, – сказал он. – На самом деле, Холли, это я очень рад нашему знакомству, поверьте.

Разговаривать было трудно, потому что в кузове фургона было очень шумно. Рев двигателя старался перекрыть грохот старой подвески. Ричер предпочел бы просто посидеть молча, но Холли не унималась.

– Мне нужно от вас избавиться, – сказала она.

Уверенная женщина, умеющая держать себя в руках. Ричер ничего не ответил. Просто взглянул на нее и отвернулся. Следующая строчка из песни всплыла в памяти сама собой: «Холодная, бесчувственная женщина». Унылая осенняя пора, грустные, душещипательные слова. Старая песня из репертуара Мемфиса Слива^[1]. Однако вторая строчка женщине не подходила. Совсем не подходила. Холли Джонсон не была бесчувственной женщиной. Снова бросив на нее взгляд, Ричер пожал плечами. Она пристально смотрела на него, раздраженная его молчанием.

– Вы отдаете себе отчет в том, что произошло? – спросила она.

Ричер взгляделся в ее лицо, в глаза. Она смотрела на него с изумлением. Женщина пришла к выводу, что судьба свела ее с полным идиотом. Она решила, ее спутник просто не понимает, что происходит.

– Все совершенно очевидно, не так ли? – спросил Ричер. – Факты говорят сами за себя.

– Какие еще факты? – удивилась женщина. – Все случилось за долю секунды.

– Вот именно, – подтвердил Ричер. – Это и есть все факты, которые мне нужны, верно? Они более или менее сообщили мне все, что нужно знать.

Умолкнув, он снова сосредоточился на том, чтобы отдохнуть. Следующая возможность бежать представится во время очередной остановки. А ждать ее придется, быть может, несколько часов. У Ричера возникло предчувствие, что день будет длинным. Он решил не тратить силы напрасно.

– И что вам нужно знать? – спросила женщина, пристально глядя ему в глаза.

– Похитили вас, – ответил Ричер. – Я попал сюда случайно.

Она по-прежнему смотрела на него. По-прежнему уверенная в себе. По-прежнему размышляя. По-прежнему не в силах решить, не прикована ли она к полному идиоту.

– Все совершенно очевидно, не так ли? – повторил Ричер. – Эти ребята охотились не за мной.

Женщина ничего не ответила. Лишь изогнула красивые брови.

– Никто не знал наперед, что я буду в этом месте, – продолжил он. – Даже я сам этого не знал. До тех пор, пока не оказался там. Однако похищение было спланировано заранее. Его подготовка заняла определенное время. Все было основано на данных наблюдения, так? Трое нападающих: один в машине, двое на улице. Машина поставлена именно там, где нужно. Эти ребята понятия не имели, где окажусь я. Но несомненно, они знали наверняка, где окажетесь вы. Так что не смотрите на меня как на полного идиота. Это вы совершили большую ошибку.

– Ошибку? – переспросила женщина.

– Вы слишком постоянны в своих привычках, – объяснил Ричер. – За вами наблюдали в течение двух или трех недель, и вы сами шагнули в объятия похитителей. Они не ожидали больше никого встретить. Это же очевидно, так? Они ведь захватили лишь одну пару наручников.

Подчеркивая свои слова, Ричер поднял руку, поднимая при этом и руку женщины. Та надолго умолкла. Ей пришлось полностью пересмотреть свое мнение о спутнике. Ричер мерно покачивался в такт движению машины и улыбался.

– А вы знаете, что к чему, – снова заговорил он. – Работаете в каком-нибудь правительственном ведомстве, так? Управление по борьбе с наркотиками, ЦРУ, ФБР, что-нибудь в таком духе, может быть, полиция Чикаго? На этой работе вы недавно, до сих пор сохранили трудовой энтузиазм. Кроме того, вы достаточно обеспечены. Так что кто-то хочет получить выкуп или же вы представляете для кого-то потенциальную угрозу, даже несмотря на

то, что вы новенькая. И в том, и в другом случае вам следовало бы быть более осторожной.

Холли Джонсон внимательно посмотрела на него, широко раскрыв глаза в полумраке. Слова Ричера произвели на нее впечатление.

– Факты? – спросила она.

Он снова улыбнулся:

– Кое-какие мелочи. Одежда, которую вы забрали из химчистки. Бьюсь об заклад, каждый понедельник в обеденный перерыв вы относите в чистку вещи, скопившиеся за прошедшую неделю, и забираете готовые. Это означает, что у вас от пятнадцати до двадцати нарядов. Судя по тому, что на вас надето, дешевых вещей вы не носите. Положив в среднем четыре сотни долларов на наряд, получим тысяч восемь, вложенных в одежду. Вот то, что я называю достаточной обеспеченностью, и то, что я называю излишним постоянством в привычках.

Женщина медленно кивнула:

– Ну хорошо. А с чего вы взяли, что я работаю в правительственном ведомстве?

– Это достаточно просто. На вас навели «глок», вас запихнули в машину, затем бросили в фургон, приковали к совершенно незнакомому человеку и везут неизвестно куда. Любой нормальный человек в данной ситуации вопил бы во всю глотку. Но не вы. Вы сохраняете завидное спокойствие, и это позволяет предположить, что вы прошли определенную подготовку, возможно, знакомы с тем, как следует себя вести в чрезвычайных и неожиданных ситуациях. И прибавлю, за всем этим еще стоит твердая уверенность, что в самое ближайшее время вас начнут искать.

Ричер остановился. Женщина жестом попросила его продолжать.

– К тому же у вас в сумочке был пистолет, – сказал он. – И довольно тяжелый – скорее всего, тридцать восьмого калибра с длинным стволом. Если бы это было ваше личное оружие, к такой изысканной одежде вы бы выбрали что-нибудь изящное, например короткоствольный револьвер двадцать второго калибра. Но этот

пистолет большой, значит вам его выдали. Следовательно, вы сотрудник какой-то федеральной службы или служите в полиции.

Женщина снова медленно кивнула.

– А почему я недавно работаю на этом месте?

– Ваш возраст, – объяснил Ричер. – Сколько вам? Двадцать шесть?

– Двадцать семь, – уточнила она.

– Для детектива вы слишком молоды. Колледж, потом несколько лет службы в форме? Для ЦРУ, ФБР и управления по борьбе с наркотиками вы тоже слишком молоды. Так что, где бы вы ни работали, работаете вы там недавно.

Женщина пожала плечами.

– Ну хорошо, – согласилась она. – А почему у меня еще не пропал трудовой энтузиазм?

Ричер указал левой рукой, зазвенев при этом наручниками.

– Ваша травма. Вы вернулись на работу после несчастного случая, полностью не поправившись. Вы до сих пор ходите, опираясь на костыль. На вашем месте большинство людей оставались бы сидеть дома на пособии по нетрудоспособности.

Она улыбнулась:

– А может быть, я инвалид. Может быть, я родилась такой.

Ричер покачал головой:

– Этот костыль выдали в больнице. На короткий срок, пока вы не поправитесь. Если бы нелады с ногой у вас были давно, вы бы купили себе что-нибудь свое. Быть может, целую дюжину разных костылей. К каждому из дорогих костюмов.

Женщина рассмеялась. Этот приятный звук заглушил рев двигателя и гроыхание подвески.

– Очень хорошо, Джек Ричер, – сказала она. – Я действительно специальный агент ФБР. С прошлой осени. И я недавно порвала связки, играя в европейский футбол.

– Вы играете в европейский футбол? – спросил Ричер. – Неплохо, Холли Джонсон. И чем именно вы занимаетесь в Бюро с прошлой осени?

Она ответила не сразу.

– Я простой агент. Один из многих в Чикагском отделении.

Ричер хмыкнул.

– Не простой агент. А агент, сделавший кому-то нечто такое, за что этот кто-то захотел отомстить. Итак, кого вы чем-то задели?

Она покачала головой:

– Я не могу обсуждать это с первым встречным.

Ричер кивнул. Он ничего не имел против.

– Любой агент может нажать себе врагов, – продолжила женщина.

– Естественно, – согласился он.

– И я в том числе.

Ричер удивленно посмотрел на нее. Это была очень странная фраза. Произнесенная с вызовом. Произнесенная женщиной, подготовленной и обученной, рвущейся в бой, но с прошлой осени вынужденной перейти на кабинетную работу.

– Отдел по борьбе с экономическими преступлениями? – высказал догадку Ричер.

– Я не могу это обсуждать, – заявила Холли Джонсон.

– Но вы уже нажили себе врагов.

Ничего не ответив, она слабо улыбнулась. С виду она сохраняла спокойствие, но по дрожи запястья Ричер определил, что ее впервые охватила тревога. Однако женщина упорно стояла на своем. В этом была ее ошибка.

– Вас не убьют, – заметил Ричер. – Если бы хотели, убили бы еще на пустыре. Зачем тащить вас в этот чертов фургон? И костыль тоже захватили.

– А при чем тут костыль?

– В этом нет никакого смысла, – объяснил Ричер. – С чего бы они стали заботиться о костыле, если бы намеревались убить вас? Нет, Холли, вы заложница, в этом нет сомнений. Вы точно не знакомы с этими ребятами? Никогда раньше их не видели?

– Никогда, – подтвердила она. – Я понятия не имею, кто они такие и что им от меня нужно.

Он пристально посмотрел на нее. Холли ответила чересчур решительно. Ей известно больше, чем она говорит.

Они снова умолкли, трясаясь и подпрыгивая в шумном кузове. Ричер сидел, уставившись в полумрак. Он чувствовал, как рядом с ним Холли пытается принять решение. Наконец она снова повернулась к нему:

– Мне нужно вытащить тебя отсюда.

Ричер взглянул на нее и усмехнулся:

– Меня это устраивает. Чем раньше, тем лучше.

– Когда тебя хватятся?

На этот вопрос Ричер предпочел бы не отвечать. Но Холли пристально смотрела на него, дожидаясь ответа. Поэтому он сказал ей правду:

– Никогда.

– Почему? – изумилась она. – Кто ты такой, Ричер?

Он пожал плечами:

– Никто.

Холли продолжала озадаченно смотреть на него. Ее охватило раздражение.

– Ну хорошо, что значит «никто»?

У Ричера в голове снова зазвучал Мемфис Слим: «Устроился работать на сталелитейный завод».

– Я вышибала, – сказал он. – Работаю в одном клубе в Чикаго.

– В каком? – спросила Холли.

– В одном заведении Саут-Сайда, где исполняют блюз. Вероятно, ты о таком не слышала.

Посмотрев на него, она покачала головой.

– Вышибала? Для вышибалы ты слишком умен.

– Вышибалам приходится иметь дело с самыми странными ситуациями, – возразил Ричер.

Похоже, его слова не убедили женщину. Он нагнулся к запястью, проверяя, сколько на часах. Половина третьего.

– А когда хватятся тебя?

В свою очередь посмотрев на часы, Холли нахмурилась:

– Очень не скоро. Совещание начнется в пять вечера. А до тех пор ничего. Пройдет еще два с половиной часа, прежде чем кто-либо заметит мое отсутствие.

Глава 4

Внутри оболочки комнаты второго этажа возникала вторая оболочка. Она сооружалась из новых сосновых брусьев два на четыре дюйма, сшитых гвоздями: обычная новая комната, вырастающая внутри старой. Вот только новая комната получалась на фут меньше во всех измерениях, чем старая. На фут короче в длину, на фут уже в ширину, на фут меньше в высоту.

Новые половые балки были подняты над старыми на фут с помощью двенадцатидюймовых обрезков брусьев. Обрезки напоминали целый лес ходулей, готовых подхватить новый пол. Другие обрезки отдаляли новую обшивку на фут от старой обшивки по всему периметру стен. Новая обшивка радовала глаз светлой желтизной свежего дерева. На фоне дымчато-бурых тонов прежней обшивки она словно сияла. Старая обшивка казалась древним скелетом, внутри которого внезапно вырос новый скелет.

Новую оболочку строили трое плотников. С легкостью опытных рабочих они перешагивали с балки на балку. Похоже, им уже приходилось строить дома. И они работали споро. Условия контракта требовали, чтобы они уложились в срок. Заказчик особо подчеркнул это. Спешная работа. Трое плотников не жаловались. Заказчик сразу же согласился на объявленную ими цену. Они назначили ее с большим запасом, готовые торговаться. Но заказчик торговаться не стал. Он попросил приступить к работе сразу же, как только будет закончен вывоз мусора. Найти работу было трудно, а найти заказчика, без торговли соглашающегося на назначенную цену, было еще труднее. Поэтому трое строителей работали с удовольствием, работали усердно, быстро, задерживаясь допоздна. Они горели желанием произвести на заказчика хорошее впечатление. Оглядываясь вокруг, плотники видели, что работы здесь выше крыши.

Поэтому они старались изо всех сил. Все трое бегали вверх и вниз по лестницам с инструментами и досками. Они делали отметины на мягком дереве ногтем, а пневмопистолеты и пилы использовали так, что инструмент перегревался. Однако все же им приходилось часто прерываться, чтобы измерить зазор между старой и новой обшивками. Заказчик особо подчеркнул, что это расстояние очень важно. Старая обшивка имела в толщину шесть дюймов. Новая – четыре. Зазор составлял ровно двенадцать дюймов.

– Шесть, четыре и двенадцать, – заметил один из плотников. – Всего двадцать два дюйма.

– Ну как? – спросил у старшего второй плотник.

– Все точно, – ответил тот. – Именно так, как сказал нам заказчик.

Глава 5

Совещание, на котором в пять часов вечера должна была присутствовать Холли Джонсон, проходило в зале на третьем этаже Чикагского отделения ФБР. Это было просторное помещение размером сорок футов на двадцать, основное пространство которого занимал длинный полированный стол. Вдоль стола стояли тридцать кресел – по пятнадцать с каждой стороны. Кожаные сиденья были очень удобными, а стол был из отборной древесины, однако все попытки сделать помещение похожим на зал заседаний преуспевающего концерна сводились на нет убогими обоями, какие можно встретить только в государственных учреждениях, и дешевым ковром. Пол застилали целых девяносто ярдов ковра, и все девяносто, вероятно, стоили меньше, чем одно-единственное кресло.

В пять часов вечера в разгар лета солнце, врывавшееся сквозь ряд сплошных окон вдоль одной стены, предоставляло тем, кто заходил в помещение, известный выбор. Если сесть лицом к окнам, солнце будет светить прямо в глаза, поэтому в течение всего совещания придется щуриться, а к его концу дико разболится голова. А если сесть к окнам спиной, то, поскольку солнце пересиливало кондиционеры, невыносимая жара вскоре заставит забеспокоиться о том, не закончилось ли действие дезодоранта. Выбор нелегкий, и все же предпочтительнее было избежать головной боли, рискуя получить тепловой удар. Поэтому первые прибывшие заняли места вдоль окна.

Сначала в комнату вошел юрист ФБР, чьей специализацией были финансовые преступления. Он постоял в дверях, оценивая, сколько может продлиться совещание. Минут сорок пять, решил юрист, хорошо знавший Холли, поэтому он попытался прикинуть, какое место окажется в благословенной тени тонкой колонны, разделявшей надвое стеклянную стену. Темная полоска лежала на третьем кресле слева, и юрист определил, что с течением времени

она будет смещаться к голове стола. Поэтому он разложил свои папки на столе перед вторым креслом, скинул пиджак и повесил его на спинку кресла, закрепляя место за собой. После этого прошел к кофейному автомату в глубине помещения и налил себе чашку.

Затем вошли двое агентов, занимавшихся делами, которые могли быть как-то связаны с тем, что вела Холли Джонсон. Кивнув юристу, они увидели, какое место он выбрал. И поняли, что нет смысла выбирать между оставшимися четырнадцатью креслами вдоль окна. Там везде будет одинаково жарко. Поэтому агенты просто бросили свои портфели на ближайшие два кресла и заняли очередь за кофе.

– Она еще не пришла? – спросил один из них у юриста.

– Я ее сегодня вообще не видел, – ответил тот.

– Вам же хуже, – заметил второй агент.

Холли Джонсон работала в Бюро недавно, но была очень способной и пользовалась всеобщим расположением. В прошлом ФБР не видело никакой радости преследовать разных не совсем чистых на руку предпринимателей, которыми сейчас занималась Холли, однако времена изменились, и Чикагское отделение вошло во вкус. В настоящее время бизнесмены даже внешне напоминали проходимцев, а вовсе не порядочных граждан, и агенты Бюро имели возможность вдоволь насмотреться на них в пригородных поездах по дороге на работу и с работы. Агентам приходилось сходить с поезда за несколько миль до того, как банкиры и биржевые маклеры добирались до своих престижных пригородов. Фэбээровцы ломали головы над тем, как получить вторую закладную под свой дом и даже как устроиться на вторую работу, подсчитывали, сколько лет им еще придется проработать в частных охранных предприятиях, чтобы получить хоть мало-мальски весомую прибавку к скудной государственной пенсии. А финансисты наблюдали за ними с самодовольными, снисходительными усмешками. Поэтому, когда один-два из них начинали падение вниз, Бюро несказанно радовалось. А когда единицы превратились в десятки, а затем в сотни, это стало своеобразным кровавым спортом.

Единственный минус заключался в том, что работа эта была очень сложная. Возможно, сложнее любой другой. Но с появлением Холли Джонсон все изменилось. У нее был особенный дар. Она могла посмотреть на лист бухгалтерской отчетности и сразу сказать, все ли с ним в порядке. Как будто определяла это особым чутьем. Холли сидела за столом, изучала бумаги, слегка склонив голову набок, и думала. Иногда она думала часами, но в конце концов обязательно понимала, что к чему. После чего выступала с разъяснениями на совещаниях. Холли излагала дело доходчиво и логически стройно, и после ее доклада ни у кого не оставалось никаких сомнений. Именно благодаря ей в работе отдела по борьбе с экономическими преступлениями наметился существенный прогресс. Именно благодаря ей коллеги по работе стали чувствовать себя лучше, возвращаясь вечером с работы на пригородных поездах. Вот что позволило Холли Джонсон завоевать всеобщую любовь.

Четвертым человеком, вошедшим в зал на третьем этаже, был агент, которого выделили в помощь Холли на то время, пока она поправлялась после травмы. Его фамилия была Милошевич. Щуплое телосложение, легкий акцент Западного побережья. Возраст под сорок, дорогой костюм цвета хаки, сшитый на заказ, золото на шее и на запястьях. Милошевич также работал в Чикаго недавно; его перевели в местное отделение, потому что руководство решило: именно здесь в настоящий момент требуются лучшие финансисты. Встав в очередь к кофейному автомату, Милошевич окинул взглядом комнату.

– Она задерживается?

Юрист пожал плечами, и Милошевич кивнул. Ему очень нравилась Холли Джонсон. Он работал с ней на протяжении пяти недель, с момента несчастного случая на футбольном поле, и получал удовольствие от каждой минуты совместной работы.

– Обычно она никогда не опаздывает, – заметил Милошевич.

Пятым человеком стал Броган, начальник отделения, в котором работала Холли. Ирландец родом из Бостона, попавший в Чикаго

через Калифорнию. Первая половина того, что называют «средним возрастом». Темные волосы, красное ирландское лицо. Плотный, мускулистый парень, одетый в красивый дорогой шелковый пиджак. Честолюбивый. Броган прибыл в Чикаго одновременно с Милошевичем, ругаясь на чем свет стоит, что его назначили не в Нью-Йорк. Он ждал повышения, которое считал заслуженным. Считалось, что с появлением Холли под его началом шансы Брогана значительно повисились.

– Ее еще нет? – спросил он.

Остальные промолчали.

– Я хорошенько надеру ей уши, – пробурчал Броган.

Перед тем как прийти в ФБР, Холли работала аналитиком рынка на Уолл-стрит. Никто точно не знал, почему она решила сменить карьеру. У нее были влиятельные друзья и отец, занимающий высокое положение, поэтому все решили, что Холли хочет произвести на него впечатление. Никто не знал наверняка, как отнесся к поступку дочери старик Джонсон, но все сходились во мнении, что он имеет право гордиться ею. В тот год Холли оказалась в числе десяти тысяч изъявивших желание работать в ФБР, и она стала лучшей из тех четырехсот, кого взяли на работу. Ее данные полностью удовлетворяли жестким критериям набора сотрудников. Бюро искало людей с высшим образованием по специальности юриспруденция или финансы, имеющих опыт работы не меньше трех лет. Холли подходила по всем статьям. Она окончила экономический факультет Йельского университета, защитила диссертацию в Гарварде, после чего проработала три года на Уолл-стрит. Тесты на интеллект и профессиональную пригодность были пройдены ею блестяще. А трех действующих агентов, допекавших ее на главном собеседовании, Холли просто очаровала.

Проверку прошлого она тоже прошла без сучка без задоринки, что вполне понятно, если учесть то, кем был ее отец, и затем ее направили в академию ФБР в Куантико. Там из нее сделали настоящего сотрудника Бюро. Физически крепкая и подготовленная,

она научилась стрелять, да так, что добилась поразительных результатов на стрелковых состязаниях. Однако главным было отношение к делу. Холли всем сердцем приняла кодекс чести Бюро и ясно дала понять, что готова жить и умереть за ФБР. Но сделала она это без малейшего намека на заносчивость. Холли приправила свое отношение мягким, насмешливым юмором, что сразу же расположило к ней людей. Вместо ненависти ее встретили любовью. Не было никаких сомнений, что Бюро приобрело ценного сотрудника. Холли направили в Чикаго и стали ждать результатов.

* * *

Последней в зал совещаний на третьем этаже вошла группа людей, появившихся одновременно. Тринадцать агентов и старший агент по фамилии Макграт. Тринадцать агентов толпились вокруг своего шефа, который на ходу читал им наставления. Тринадцать агентов жадно ловили каждое его слово. Макграт был выдающейся личностью. Он поднялся по служебной лестнице почти на самый верх, а затем снова спустился к оперативной работе. Проработав три года в центральном аппарате в должности заместителя директора ФБР, Макграт сам вызвался пойти на понижение в должности и в окладе и вернуться в оперативный отдел. Это решение стоило ему десяти тысяч долларов в год, зато он сохранил душевное равновесие и завоевал безграничное уважение и слепую преданность тех, с кем работал.

Старший агент в таком отделении, как Чикагское, подобен командиру крупного военного корабля. Формально над ним есть начальники, но они находятся в Вашингтоне, за пару тысяч миль. Они существуют чисто теоретически. А старший агент – это нечто реальное. Он распоряжается своими подчиненными так, словно его рукой движет сам Господь Бог. Вот как Чикагское отделение смотрело на Макграта. А он даже не старался смягчить подобное

отношение. Он вел себя достаточно замкнуто, и в то же время к нему можно было обратиться в любой момент. Он никого не посвящал в свою личную жизнь, и в то же время его подчиненные не сомневались, что ради них он пойдет на все. Это был невысокий коренастый мужчина, очень энергичный, один из тех не знающих усталости людей, которые излучают ощущение полной уверенности и своим руководством улучшают любой коллектив. Макграта звали Пол, однако все называли его Мак.

Макграт дал своим тринадцати агентам рассестись: десять человек сели спиной к окнам, а трое – так, что солнце светило в глаза. Затем он подтащил кресло и установил его во главе стола, для Холли. Прошел к противоположному краю и поставил второе кресло для себя. Сел боком к солнцу. И озабоченно спросил:

– Где она, Броган?

Начальник отделения развел руками:

– Насколько я знаю, уже должна быть здесь.

– Она никому ничего не говорила? – спросил Макграт. – Милошевич?

Милошевич, остальные пятнадцать агентов и юрист Бюро молча пожали плечами или покачали головами. Беспокойство Макграта возросло. Каждый человек обладает своим собственным ритмом, характером поведения, столь же неповторимым, как отпечатки пальцев. Холли опаздывала всего на пару минут, однако это было так не похоже на нее, что зазвонил тревожный колокольчик. За те восемь месяцев, что Макграт ее знал, она ни разу не опоздала ни на минуту. Этого просто не случалось. Другие способны опоздать на совещание на пять минут, и это будет выглядеть нормально. Потому что у них такой стиль поведения. Но только не Холли. В три минуты шестого Макграт, глядя на пустое кресло во главе стола, понял, что случилась какая-то беда. Он встал и в полной тишине прошел в соседнее помещение. Рядом с кофейным автоматом стоял телефон. Макграт снял трубку и набрал номер своего кабинета.

– Холли Джонсон не звонила? – спросил он у секретарши.

– Нет, Мак, – ответила та.

Хлопнув ладонью по рычажкам, Макграт набрал номер приемной, расположенной на первом этаже.

– Холли Джонсон не оставляла никаких сообщений? – спросил он у агента, дежурившего у входа.

– Нет, шеф, – ответил тот. – Я ее не видел.

Макграт снова хлопнул по рычажкам и связался с центральным коммутатором.

– Холли Джонсон не звонила?

– Нет, сэр, – ответил оператор.

Не кладя трубку, Макграт жестом попросил принести бумагу и карандаш.

– Дайте номер ее пейджера и сотового телефона.

В трубке слышалось бульканье, и Макграт черкнул на листке бумаги номера. Нажал на рычажки и позвонил Холли на пейджер. Услышал длинный низкий гудок, говорящий о том, что пейджер отключен. Позвонил на сотовый. Услышал электронный писк и женский голос, сообщивший, что абонент недоступен. Положив трубку, Макграт обвел взглядом зал совещаний. Времени было пять часов десять минут.

Глава 6

В половине седьмого по часам Ричера характер движения фургона изменился. В течение шести часов и четырех минут машина катила ровно и прямо со скоростью пятьдесят пять – шестьдесят миль в час, и жара сначала нарастала, а затем начала спадать. Ричер сидел в душном полумраке, трясясь и налетая на борта, отделенный колесной аркой от Холли Джонсон, отсчитывая расстояние по мысленной карте в голове. Он прикинул, что фургон преодолел около трехсот девяноста миль. Но ему не было известно, в каком направлении. Если на восток, то они уже должны были миновать Индиану и сейчас покидали Огайо, въезжая в Пенсильванию или Западную Виргинию. Если дорога лежала на юг, то фургон к настоящему моменту выехал из Иллинойса и двигался по Миссури или Кентукки, а может быть, даже добрался до Теннесси, если Ричер недооценил его скорость. При движении на запад они должны были сейчас тащиться по Айове. Возможно также, что они обогнули озеро вдоль южного берега и движутся на север через Мичиган. Или поехали на северо-запад и в этом случае сейчас должны быть где-то неподалеку от Миннеаполиса.

Одно можно было сказать определенно: фургон куда-то приехал. Он сбросил скорость. Дернулся вправо, словно съезжая с шоссе. Загремела коробка передач, подвеска застучала на выбоинах в асфальте. Центробежные силы зашвыряли Ричера и Холли из стороны в сторону. Костыль Холли с грохотом покатился по ребристому железному полу. Двигатель натужно завыл, борясь с подъемами и спусками. Грузовик останавливался на невидимых перекрестках, трогался, набирая скорость, резко тормозил и наконец круто повернул влево, после чего в течение четверти часа медленно тащился по прямой, ухабистой дороге.

- Какой-то сельскохозяйственный район, – заметил Ричер.
- Очевидно, – согласилась Холли. – Но какой?

Ричер молча пожал плечами. Фургон сбавил скорость до предела, а затем круто повернул направо. Дорожное покрытие стало еще хуже. Машина протащилась ярдов сто пятьдесят и остановилась. Спереди открылась дверь со стороны пассажирского сиденья. Двигатель продолжал работать. Дверь захлопнулась. Послышалось гудение открывающихся ворот, и фургон медленно прополз вперед. Шум двигателя гулко отразился от металлических стен. Наконец двигатель заглох, и наступила тишина.

– Мы в каком-то сарае, – сказал Ричер. – С закрывающимися воротами.

Холли нетерпеливо кивнула:

– Знаю. В коровнике. Я чувствую запах.

Ричер услышал приглушенные голоса. К задней двери приблизились шаги. В замке заскрипел ключ. Повернулась ручка. Дверь открылась, и в кузов хлынул ослепительный свет. Ричер прищурился, спасаясь от внезапно вспыхнувших электрических ламп, и, посмотрев мимо Холли, увидел троих мужчин, два «глока» и ружье.

– Выходите, – приказал главарь.

Ричер и Холли выбрались из кузова, скованные наручниками. Это оказалось не так-то просто. От долгого сидения на полу в неудобной позе их конечности затекли и онемели. Колено у Холли совсем разболелось. Ричер наклонился, чтобы поднять костыль.

– Не трогай его, козел, – резко сказал главарь.

В его голосе прозвучали усталость и раздражение. Пристально посмотрев на него, Ричер воздержался от возражений. Холли напряглась и попыталась опереться на больную ногу. Ахнула от боли и тотчас перенесла вес на другую ногу. Бросила безразличный взгляд на Ричера, словно он был деревом, и свободной левой рукой обняла его за шею. Только так она могла удержать равновесие.

– Извини, пожалуйста, – пробормотала Холли.

Главарь махнул пистолетом влево. Фургон действительно стоял внутри просторного коровника. Коров в нем не было, но, судя по

запаху, их убрали отсюда не так давно. По обе стороны тянулись стойла, сваренные из металлических труб. Развернувшись, Ричер ухватил Холли за руку, и они заковыляли к стойлу, на которое указал главарь. Холли вцепилась в трубу ограждения и остановилась.

– Извини, – снова пробормотала она смущенно.

Ричер кивнул и стал ждать. Водитель с ружьем в руках держал их с Холли под прицелом, а главарь ушел. Навалился на массивные ворота, приоткрывая их, и вышел на улицу. Ричер успел мельком увидеть темнеющее небо, затянутое облаками. Никакой возможности определить местонахождение.

Главарь отсутствовал пять минут. Все это время в коровнике стояла полная тишина. Остальные двое похитителей стояли неподвижно, держа оружие наготове. Нервный с «глоком» смотрел Ричеру в лицо. Водитель с ружьем смотрел Холли на бюст, слегка ухмыляясь. Никто не произнес ни слова. Наконец вернулся главарь. Он принес еще одну пару наручников и два отрезка массивной цепи.

– Это большая ошибка с вашей стороны, – обратилась к нему Холли. – Я агент ФБР.

– Знаю, сучка, – пробурчал тот. – Молчи.

– Вы совершаете серьезное преступление, – не сдавалась Холли.

– Знаю, сучка, – повторил главарь. – Я велел тебе молчать. Еще одно слово – и я пушу этому типу пулю в голову. Тогда тебе придется провести ночь прикованной к трупу, поняла?

Он дождался от нее молчаливого кивка. Затем водитель с ружьем занял позицию сзади, а главарь, расстегнув наручники, освободил запястье Холли. Обмотав отрезок цепи вокруг стального ограждения, он зафиксировал оба конца, пропустив через звенья свободное кольцо наручников, болтающихся на левой руке Ричера. Потянул и подергал за цепь, проверяя, что она держится надежно. Затем оттащил Холли в третье от Ричера стойло и с помощью новой пары наручников и второго отрезка цепи приковал ее в двадцати футах от Ричера. У Холли подогнулась нога, и женщина, вскрикнув, рухнула

на грязную солому. Главарь даже не посмотрел на нее. Просто вернулся к прикованному Ричеру.

– Итак, козел, кто ты такой?

Ричер промолчал. Он знал, что ключи от обеих пар наручников лежат у главаря в кармане. Знал, что ему потребуется около полутора секунд на то, чтобы переломить главарю шею петлей из цепи, свисающей с запястья. Но другие два типа находились вне его досягаемости. Один «глок», одно ружье, слишком далеко, чтобы дотянуться до них до того, как он успеет освободиться, и слишком близко, чтобы у него была возможность это сделать. Ему противостояли достаточно опытные противники. Поэтому Ричер просто пожал плечами и опустил взгляд на солому под ногами. Она была перепачкана навозом.

– Я задал тебе вопрос, твою мать, – повторил главарь.

Ричер посмотрел на него. Краем глаза увидел, как нервный тип приподнял «глок» на пару градусов.

– Я задал тебе вопрос, козел! – тихо произнес главарь.

«Глок» в руке нервного дернулся вперед. Застыл в вытянутой руке на уровне плеча, нацеленный Ричеру в голову. Дрожащее дуло описывало небольшую окружность, но, наверное, оно дрожало недостаточно сильно для того, чтобы нервный промахнулся. Тем более с такого близкого расстояния. Ричер перевел взгляд с одного похитителя на другого. Водитель оторвал взгляд от груди Холли. Поднял ружье к бедру. Направил его на Ричера. Это была «Итака-37». Двенадцатый калибр. Модель с магазином на пять патронов, пистолетной рукояткой и без приклада. Водитель дослал патрон в патронник. Двойной щелчок механизма гулким эхом раскатился в пустом коровнике. Отразился от металлических стен. Затих. Ричер увидел, как спусковой крючок преодолел одну восьмую дюйма своего короткого хода.

– Имя? – спросил главарь.

Указательный палец водителя напрягся, и спусковой крючок ружья преодолел еще одну восьмую дюйма. При выстреле с такого

расстояния Ричер лишится обеих ног и большей части живота.

– Имя? – повторил главарь.

Ружье двенадцатого калибра, он умрет не сразу, а будет долго мучиться на грязной соломе, истекая кровью. Если окажется перебита бедренная артерия, он продержится одну-две минуты. В таких обстоятельствах нет никаких причин не называть свое имя.

– Джек Ричер, – сказал Ричер.

Главарь удовлетворенно усмехнулся, словно одержал победу.

– Ты знаешь эту сучку? – спросил он.

Ричер посмотрел на Холли.

– Лучше, чем знаю многих, – сказал он. – Я только что провел шесть часов, прикованный к ней наручниками.

– Эй, козел, ты что, умник? – спросил главарь.

Ричер покачал головой:

– Невинный прохожий. Я вижу ее первый раз в жизни.

– Ты из Бюро?

– Я вышибала. Работаю в одном клубе в Чикаго.

– Ты в этом уверен, козел?

– Уверен. У меня достаточно ума, чтобы помнить, чем я зарабатываю на жизнь.

Наступило долгое напряженное молчание. Затем нервный тип с «глоком» несколько расслабился. Водитель опустил ружье стволом в пол. Отвернулся и снова уставился Холли на грудь. Главарь кивнул.

– Ну ладно, козел. Будешь вести себя хорошо – останешься жить. То же самое относится и к тебе, сучка. Ни с кем ничего не произойдет. По крайней мере, сейчас.

Все трое развернулись и по центральному проходу вышли из коровника. Прежде чем они успели закрыть ворота, Ричер снова мельком увидел небо. Потемневшее еще больше. По-прежнему затянутое тучами. Никаких звезд. Никаких указаний на местонахождение. Ричер подергал цепь. Она была надежно закреплена наручником на одном конце и трубой ограждения на другом. Отрезок имел в длину футов семь. Ричер услышал, что в

двадцати футах от него Холли проделала то же самое: натянула цепь и исследовала радиус свободы передвижения.

– Ты не мог бы отвернуться? – окликнула она Ричера.

– Зачем?

Короткая пауза. Вздох, наполненный смущением и безысходностью.

– Ты действительно не понимаешь? Мы провели в машине шесть часов, а туалета там не было.

– Ты идешь в соседнее стойло? – спросил Ричер.

– А ты как думаешь?

– Хорошо. Ты иди направо, а я пойду налево. Ты не подглядываешь, и я тоже.

* * *

Трое похитителей вернулись в коровник час спустя и принесли еду. Что-то вроде тушеной говядины с овощами в стальных мисках, по одной каждому. Редкие кусочки мяса и много жесткой моркови. Кем бы ни были похитители, готовка явно не входила в число их талантов. Ричер понял это сразу. Кроме того, пленники получили по эмалированной кружке жидкого кофе. После этого похитители уселись в фургон. Завели двигатель и выехали на улицу. Выключили в коровнике яркое освещение. Ричер успел заметить за воротами погруженный в полумрак пустырь. Затем похитители закрыли ворота и заперли их, оставив пленников в темноте и в тишине.

– Они поехали на заправку, – сказала Холли. – Им нужно залить бак на оставшуюся часть пути. Они не рискнули сделать это, пока мы в кузове, опасаясь, что мы начнем колотить в борта и призывать на помощь.

Ричер был с ней согласен. Он допил кофе. Дочиста облизал вилку из миски с говядиной. Согнул один зубец под прямым углом и, прижимая его ногтем большого пальца, сделал на конце маленький

крючок. С помощью этого крючка он отпер замок наручников. На все про все Ричеру потребовалось восемнадцать секунд. Бросив наручники и цепь на солому, он подошел к Холли. Нагнулся и отпер ее наручники. Двенадцать секунд. Помог ей подняться на ноги.

– Значит, простой вышибала? – спросила Холли.

– Совершенно верно, – подтвердил Ричер. – Давай оглядимся здесь.

– Я не могу ходить. Мой костыль в фургоне.

Ричер кивнул. Холли осталась в стойле, держась за ограждение. Ричер осмотрел большой пустынный коровник. Это было прочное сооружение, сваренное из того же металла, что и ограждение. Массивные ворота заперты снаружи. Вероятно, железный засов, схваченный навесным замком. Никаких проблем, если добраться до замка, но Ричер находился внутри, а замок был снаружи.

Стены соединялись с полом посредством угольников, привинченных болтами к бетону. Сами стены состояли из горизонтальных металлических панелей длиной около тридцати футов, высотой фута четыре. В углах стены были также скреплены угольниками на болтах. Все угольники имели полку шириной дюймов шесть. Что-то вроде гигантского трапа со ступенями, отстоящими друг от друга на четыре фута.

Ричер быстро взобрался по угольникам на стену, преодолевая зараз по четыре фута. Семь панелей, общая высота двадцать восемь футов над землей. Между верхом стены и нависающим скатом металлической крыши оставалась щель шириной около восемнадцати дюймов – для вентиляции. Можно перекатиться в нее, подобно прыгуну в высоту, повиснуть на руках и спрыгнуть на землю с высоты двадцати футов.

Ричер мог так сделать, но Холли Джонсон это было не под силу. Она даже не могла самостоятельно дойти до стены. С порванными связками она не сумеет забраться наверх и уж точно не сможет спрыгнуть с такой высоты.

– Ну же, давай, – окликнула Холли Ричера. – Беги отсюда, быстрее.

Не обращая на нее внимания, Ричер высунулся в щель и всмотрелся в темноту. Нависающая крыша ограничивала поле зрения сверху. Вокруг, насколько хватал глаз, простирался необъятный пустырь. Спустившись вниз, Ричер поочередно поднялся на три остальные стены. Со второй открылся вид на такой же пустырь. С третьей была видна ферма. Белая кровля. Свет в двух окнах. Четвертая стена коровника выходила на безликую проселочную дорогу. За ней – пустота. Вдалеке – одинокая пара широко расставленных фар, качающихся вверх и вниз, переваливающихся из стороны в сторону. Фары становились ярче. Приближались. Это фургон возвращался назад.

– Ты можешь рассмотреть, где мы находимся? – окликнула Холли.

– Понятия не имею, – ответил Ричер. – Какие-то сельскохозяйственные угодья. Это может быть что угодно. Где разводят коров? И где много полей?

– Местность здесь ровная или холмистая? – спросила Холли.

– Не могу сказать. Слишком темно. Наверное, скорее холмистая.

– Тогда это может быть Пенсильвания, – сказала Холли. – Там есть холмы, и там разводят коров.

Спустившись с четвертой стены, Ричер подошел к стойлу, в котором она стояла.

– Во имя всего святого, беги отсюда! – воскликнула Холли. – Подними тревогу.

За воротами послышался гул дизеля.

– Возможно, это не лучший вариант, – сказал Ричер.

Холли недовольно уставилась на него:

– Кто ты такой, черт побери, что выбираешь варианты? Я тебе приказываю. Ты гражданский человек, а я работаю в ФБР, и я приказываю тебе спасаться.

Ричер молча пожал плечами и не двинулся с места.

– Я тебе приказываю, понятно? – не сдавалась Холли. – Ты собираешься мне подчиняться?

– Нет, – ответил Ричер.

Она свирепо сверкнула глазами.

Фургон вернулся. Послышался скрип рессор на ухабах. Защелкнув наручники Холли, Ричер бегом вернулся в свое стойло. Хлопнула дверь, раздались шаги по бетону. Ричер пристегнул свое запястье к трубе и разогнул зубец вилки. Когда ворота открылись и в коровнике зажегся свет, он мирно сидел на соломе.

Глава 7

Изоляционный материал, которым заполнялись двадцать два дюйма пустоты между старыми и новыми стенами, переносился на руках из кузова грузовика. Его было очень много, и пришлось делать четыре ездки. Каждый раз машину разгружали восемь добровольцев. Они выстраивались цепочкой наподобие пожарных, в старину передававших друг другу ведра с водой. Добровольцы передавали из рук в руки коробки с изоляционным материалом – от машины до дома и вверх по лестнице на второй этаж. Коробки укладывали в коридоре перед переоборудованной угловой комнатой. Трое плотников, вскрывая коробки, переносили изоляционный материал в комнату. Затем аккуратно заполняли им просторные полости за новой обивкой. Добровольцы, подносявшие коробки, задерживались на мгновение, наблюдая за их работой и урывая минуту отдыха.

Процесс продолжался почти всю вторую половину дня. Это было обусловлено большим количеством изоляционного материала и тщательностью, с какой его укладывали. Когда четвертая партия груза была поднята наверх, восемь добровольных помощников разошлись. Семеро из них направились в столовую. Восьмой потянулся, ловя последние лучи заходящего солнца, и отправился прогуляться. Это вошло у него в привычку. Четыре-пять раз в неделю он совершал долгие прогулки, особенно после тяжелого физического труда. Считалось, что так он снимает усталость.

Восьмой доброволец углубился в лес. На запад сквозь тишину деревьев убегала проторенная тропинка. Парень шел по ней около полумили. Затем остановился и снова потянулся. Эти движения усталого человека, расправляющего онемевшие члены, он использовал для того, чтобы внимательно оглядеться по сторонам. Сойдя с тропинки, парень сменил неспешную походку на быстрый шаг. Огибая деревья, он описал широкую дугу на запад, затем на

север. Вышел к определенному дереву. У его основания лежал большой плоский камень, засыпанный иголками. Парень постоял, прислушиваясь. Нагнулся и сдвинул камень в сторону. Под ним лежало что-то прямоугольное, завернутое в промасленную бумагу. Развернув бумагу, парень достал небольшую переносную рацию. Вытянул короткую антенну, нажал кнопку и стал ждать. Затем возбужденным голосом проговорил длинное сообщение.

* * *

Когда в старом здании снова воцарилась тишина, заказчик поднялся наверх, чтобы отдать новые странные распоряжения. Трое плотников не задавали никаких вопросов, лишь внимательно слушали. Этот тип получит все, что только пожелает. Новые распоряжения означали, что часть работы придется переделать. Однако с этим не возникло никаких проблем. Даже наоборот, поскольку заказчик предложил дополнительно к оговоренной сумме еще небольшие премиальные наличными.

Трое плотников работали споро и справились с поставленной задачей очень быстро. Но к этому времени уже стемнело. Самый младший остался, чтобы собрать инструмент. Старший и другой плотник сели в машину и в полной темноте поехали на север, туда, куда им сказал заказчик. Выйдя из машины, они стали ждать.

– Сюда, – послышался голос заказчика. – Заходите внутрь.

Они вошли. Внутри было темно. Заказчик ждал, скрываясь в тени.

– Эти доски вам пригодятся? – спросил он.

У задней стены были сложены старые сосновые доски.

– Хорошее дерево, – ответил старший плотник. – Их еще можно использовать.

На земле рядом с досками лежало еще что-то. Что-то странное. Плотники изумленно уставились. Какие-то бесформенные кучи. Двое

плотников посмотрели на кучи, затем переглянулись. Обернулись. Заказчик с улыбкой поднял черный пистолет.

* * *

У дежурного на станции спутниковой связи ФБРхватило ума понять, что это сообщение может быть очень важным. Он не знал, в чем именно будет заключаться важность сообщения, однако тайный осведомитель не стал бы без причины рисковать, выходя на связь. Поэтому дежурный ввел сообщение в компьютерную систему ФБР. Его доклад молниеносно распространился по сети и осел в огромном главном компьютере, установленном на первом этаже здания штаб-квартиры ФБР в Центре имени Гувера в Вашингтоне. База данных Центра имени Гувера обрабатывает за сутки больше донесений, чем за этот период времени истекает секунд, поэтому прошло какое-то время, прежде чем программное обеспечение просмотрело сообщение и обнаружило в нем ключевые слова. Однако, как только это произошло, сообщение было поставлено в приоритетную очередь.

В это же самое время система приняла сообщение от Чикагского отделения ФБР. Глава отделения старший агент Макграт докладывал, что он потерял одного из своих людей. Пропала специальный агент Холли Джонсон, которую последний раз видели в двенадцать часов дня по чикагскому времени. Настоящее местонахождение неизвестно, попытки установить контакт успеха не дали. А поскольку Холли Джонсон была далеко не простым сотрудником, сообщение имело специальный код доступа, который не позволил ему попасть на все терминалы, находящиеся в здании, за исключением того, что был на последнем этаже, в кабинете директора.

* * *

Директор ФБР вернулся с совещания бюджетной комиссии в половине восьмого вечера. Войдя в свой кабинет, он ознакомился с почтой. Его звали Гарленд Уэбстер, и он работал в Бюро уже тридцать шесть лет. Ему оставалось провести еще один год на посту директора, после чего его ждала пенсия. Поэтому директору меньше всего были нужны неприятности, но он обнаружил их мигающими на экране терминала. Вызвав сообщение, Уэбстер прочитал его дважды и вздохнул.

– Проклятье, – выругался он. – Проклятье, проклятье, проклятье!

Сообщение из Чикаго от Макграта было не худшим известием, которое Уэбстер получил за тридцать шесть лет работы в Бюро, однако оно было чертовски к этому близко. Директор связался по внутреннему коммутатору с секретаршей.

– Соедините меня с Макгратом в Чикаго.

– Макграт на связи. Он давно ждет вас.

Проворчав что-то, Уэбстер ткнул кнопку. Перевел разговор на громкую связь и откинулся на спинку кресла.

– Мак, что там у тебя за история?

Из Чикаго донесся отчетливый голос Макграта:

– Здравствуйте, шеф. Никакой истории нет. Пока нет. Быть может, мы рано забили тревогу, но, когда Холли не появилась на совещании, у меня сразу возникло дурное предчувствие. Вам не надо объяснять, что это такое.

– Я все понимаю, Мак. Ты хочешь ошарашить меня какими-то фактами?

– Никаких фактов у нас нет. Холли просто не пришла на совещание, назначенное на пять часов вечера. Мне это показалось очень необычным. Она не оставила никаких сообщений. Ее пейджер и сотовый телефон не отвечают. Я поспрашивал своих людей, и оказалось, что последний раз Холли видели около полудня.

– Сегодня утром она была на работе? – спросил Уэбстер.

– Все утро провела у себя в кабинете.

– До пятичасового совещания у нее были назначены еще какие-нибудь встречи?

– В ее ежедневнике ничего не отмечено, – сказал Макграт. – Я понятия не имею, чем она занималась и где была.

– Господи, Мак, ты же должен был за ней приглядывать! Не выпускать на улицу, черт побери!

– Она вышла в свой обеденный перерыв. Что я мог поделывать?

В кабинете директора ФБР наступила полная тишина, нарушаемая лишь слабым шорохом системы громкой связи. Уэбстер забарабанил пальцами по столу.

– Над чем она сейчас работает? – спросил он.

– Даже не думайте об этом. Можно смело предположить, что те, кого разрабатывает Бюро, тут ни при чем. Это было бы бессмысленно.

Уэбстер кивнул:

– Пожалуй, ты прав. В таком случае куда еще нам обратить взгляд?

– Холли получила травму. Порвала связки в коленном суставе, играя в футбол. Можно предположить, что она упала, ей стало хуже и ее забрала «скорая помощь». Сейчас мы проверяем все больницы.

Уэбстер проворчал что-то невнятное.

– А возможно, у Холли есть приятель, о котором мы ничего не знаем, – продолжил Макграт. – И они сейчас мило проводят время в каком-нибудь мотеле.

– Шесть часов подряд? Хотел бы я быть таким счастливчиком. – Снова наступила тишина. Затем Уэбстер подался вперед. – Ладно, Мак, ты сам знаешь, что делать. И чего не делать, особенно в случае Холли, так? Держи со мной связь. Я сейчас отправлюсь в Пентагон. Вернусь через час. Если я буду тебе нужен, звони.

Закончив разговор, Уэбстер связался с секретаршей и попросил вызвать машину. Прошел к личному лифту и спустился на подземную стоянку. Там его встретил водитель, и они вместе прошли к бронированному лимузину.

– В Пентагон, – бросил директор.

* * *

В половине восьмого вечера в июньский понедельник дороги были относительно свободны. На две с половиной мили ушло около одиннадцати минут. Все это время Уэбстер постоянно звонил по сотовому. Звонил в различные места, географически сосредоточенные на таком маленьком пятачке, что директор, наверное, мог бы просто докричаться до них без всякого телефона. Затем большой лимузин подъехал к въезду в Пентагон со стороны реки, и дорогу преградил морской пехотинец. Отключив телефон, Уэбстер опустил стекло для ритуала идентификации.

– Директор ФБР, – представился он. – К председателю объединенного комитета начальников штабов.

Часовой козырнул и махнул рукой, пропуская лимузин. Подняв стекло, Уэбстер подождал, когда машина остановится. Он вошел в здание через отдельную дверь. Прошел к кабинету председателя. Его встретила секретарша.

– Проходите, сэр. Генерал сейчас подойдет.

Войдя в кабинет, Уэбстер остановился. Посмотрел в окно, из которого открывался превосходный вид, хотя все краски обладали каким-то странноватым металлическим отблеском. Стекла были пуленепробиваемыми, пропускающими свет только в одну сторону. Панорама за окном была великолепная, однако, поскольку кабинет находился на внешней стороне здания, у входа со стороны реки, его окна должны были быть защищены. Уэбстер нашел взглядом свою машину и водителя, стоящего рядом. На противоположном берегу Потомака возвышался Капитолий. В излучине белели паруса яхт; на водной глади отражались последние лучи клонящегося к горизонту солнца. «Очень неплохой кабинет, – подумал Уэбстер. – Лучше моего».

Директору ФБР было непросто встретиться с председателем объединенного комитета начальников штабов. Это был тот случай, когда четкая субординация отсутствовала. Кто занимает более высокое положение? Оба руководителя назначаются непосредственно президентом. Оба докладывают президенту через единственного посредника, в одном случае – министра обороны, в другом – генерального прокурора. Председатель объединенного комитета начальников штабов занимает самый высокий пост в армии. Директор ФБР занимает самый высокий пост в правоохранительных органах. Оба достигли абсолютной вершины соответствующих служебных лестниц. Но чья лестница выше? Для Уэбстера ответ был очевиден, что совсем не радовало, поскольку его лестница была значительно ниже. Директор ФБР распоряжался бюджетом в два миллиарда долларов и имел под своим началом двадцать пять тысяч человек. Председатель объединенного комитета начальников штабов распоряжался бюджетом в двести миллиардов и имел под своим началом около миллиона человек. Больше двух миллионов, если добавить национальную гвардию и резервистов. Председатель бывал в Овальном кабинете раз в неделю. Уэбстер попадал туда дважды в год – в лучшем случае. Неудивительно, что кабинет генерала был лучше.

Сам председатель также был впечатляющей фигурой. Его взлет в полные генералы был стремительным. Он появился из ниоткуда и пронесся вверх по служебной лестнице быстрее, чем портной успевал нашивать ленточки ему на мундир. От обилия орденов и медалей на левой стороне мундира генерала начало перекашивать на один бок. Затем его перевели в Вашингтон и посадили в этот кабинет.

Услышав в приемной шаги, Уэбстер обернулся к двери.

– Добрый вечер, генерал.

Махнув рукой, председатель с улыбкой спросил:

– Хотите купить какие-нибудь ракеты?

Уэбстер удивился:

– Вы их продаете? Какие ракеты?

Генерал усмехнулся и покачал головой:

– Шутка. Сокращение вооружений. Русские избавились от базы бомбардировочной авиации в Сибири, поэтому нам теперь нужно избавляться от всех тех ракет, что предназначались для борьбы с ними. Надо соблюдать условия договора, верно? Надо вести честную игру. Все большие ракеты мы продаем Израилю. Но остается еще около пары сотен маленьких, знаете, «стингеров», переносных ракет класса «земля–воздух». Они лишние, нам больше не нужны. Порой у меня возникает желание продать их наркоторговцам. Видит бог, все остальное у них есть. По крайней мере, оружие у них лучше, чем у нас.

Разговаривая, председатель прошел к своему креслу и сел. Уэбстер кивнул. Ему уже приходилось видеть, как то же самое проделывали президенты: пошутить, рассказать веселый анекдот, расколоть лед, снять напряжение первых минут. Председатель откинулся назад и улыбнулся:

– Итак, чем я могу вам помочь?

– Генерал, мы получили сообщение из Чикаго. Ваша дочь пропала.

Глава 8

К полуночи зал совещаний на третьем этаже здания ФБР в Чикаго был превращен в командный центр. Техники возились весь вечер, протягивая телефонные линии и устанавливая вдоль длинного стола компьютерные терминалы. С наступлением ночи здесь воцарились тишина и прохлада. За стеклянной стеной – сияющая чернота. Можно больше не ломать голову, за какой стороной стола будет лучше.

Домой не ушел никто. На креслах с кожаными сиденьями понуро сидели семнадцать агентов. Даже юрист Бюро оставался здесь. На то не было никаких причин, но юрист ощущал тот же самый трехслойный груз ответственности. ФБР заботится о своих. Это был слой номер один. Чикагское отделение заботится о Холли Джонсон. Это был слой номер два. И не только из-за ее связей. Связи тут были ни при чем. Просто Холли была Холли. А слой номер три заключался в том, что, если Макграт чего-то хотел, он этого добивался. И если Макграт тревожился насчет Холли, все его подчиненные тоже тревожились. Перестанут они тревожиться только тогда, когда Холли найдется, живая и невредимая. Поэтому все оставались в зале, притихшие и встревоженные. Наконец в помещение с шумом влетел радостный Макграт, дымя сигаретой так, словно от этого зависела его жизнь.

– Ребята, у меня хорошие новости. Слушайте, слушайте внимательно!

Макграт встал во главе стола. Гомон приглушенных голосов мгновенно сменился полной тишиной. На старшего агента устремились взоры восемнадцати пар глаз.

– Мы нашли Холли, – громко произнес Макграт. – Мы ее нашли, понятно? С ней все в порядке. Паника закончена. Теперь всем можно успокоиться.

Разом заговорили восемнадцать голосов, задавая один и тот же вопрос. Макграт поднял руки, призывая к тишине, словно судья на гонках.

– Холли в больнице, – объяснил он. – Произошло вот что: ее лечащий врач неожиданно выкроил на сегодняшний вечер окно. Он позвонил Холли, она приехала в больницу, и ее сразу же положили на операцию. С ней все в порядке, ей лучше, но она ужасно смущена тем, что вызвала такой переполох.

Восемнадцать голосов снова заговорили разом, и Макграт подождал, давая им выговориться. Затем опять поднял руки.

– Итак, паника закончена, понятно? – улыбаясь, сказал он.

Гул стал громче; в голосах зазвучало облегчение.

– А теперь, ребята, все по домам и спать, – сказал Макграт. – Завтра новый рабочий день, не забыли? Но спасибо за то, что были здесь. От меня и от Холли. Для нее это очень важно. Броган и Милошевич, задержитесь, вам надо будет распределить между собой работу, которую должна была сделать до конца недели Холли. А остальные свободны. До свидания, спокойной ночи, и еще раз спасибо, джентльмены!

Пятнадцать агентов и юрист улыбнулись и, позевывая, встали. Толкаясь, шумно вышли из зала. За столом остались Макграт, Броган и Милошевич. В наступившей тишине Макграт прошел к двери. Бесшумно прикрыл ее. Затем обернулся и посмотрел на своих сотрудников.

– Это была полная чушь. Как вы, конечно, и сами догадались.

Броган и Милошевич молча смотрели на него.

– Мне звонил Уэбстер, – продолжил Макграт. – Не сомневаюсь, вы оба понимаете почему. Вашингтон очень сильно обеспокоен. Они там наложили в штаны от страха. Похищение особо важной персоны. Уэбстеру поручено взять расследование под свой личный контроль. Он хочет сохранить все в строжайшей тайне. Количество посвященных будет минимальным. Делом должны заниматься лишь я и еще два человека. На мой выбор. Я остановился на вас, потому

что вы лучше всего знаете Холли. Итого нас трое. Мы будем иметь дело напрямую с Уэбстером. И больше никому ни слова, понятно?

Броган, посмотрев на начальника, кивнул. Затем кивнул Милошевич. Они знали, что выбор их в качестве помощников очевиден. Однако работать вместе с Макгротом всегда большая честь, какие бы ни были на то причины. Агенты понимали, что Макгроту это известно. Поэтому они снова кивнули, уже более твердо. Наступило молчание. Дым сигареты Макгрота смешивался с тишиной под потолком кабинета. Часы на стене показывали половину первого ночи.

– Ну хорошо, – наконец сказал Броган. – Что дальше?

– А дальше то, что мы будем работать всю ночь, – сказал Макгрот. – Потом весь день, опять всю ночь, и так до тех пор, пока не отыщем Холли.

Он по очереди оглядел подчиненных, чтобы убедиться, что сделал правильный выбор. Пришел к выводу, что пара подобрана хорошо. Агенты прекрасно дополняют друг друга. Броган старше, серьезнее, он пессимист. Невысокий, худой, любит строгий и четкий порядок, при этом имеет достаточно воображения, чтобы приносить пользу. Сумбурная личная жизнь. Подружка и две бывшие жены вытягивают у него изрядные деньги и причиняют массу беспокойства, но никогда не мешают работе. Милошевич моложе, менее инициативный, зато упорный и расторопный. Имеет множество закадычных друзей, что необязательно является недостатком. Испытывает слабость к большим и дорогим полноприводным машинам, но каждому человеку нужно какое-нибудь увлечение в жизни. Оба агента довольно давно работают в Бюро, имеют на поясе скальпы многочисленных врагов. Оба умеют полностью отдаваться работе, и ни один еще не жаловался на сверхурочные. И на зарплату, что делает их уникальными. Хорошая команда. Оба лишь недавно в Чикаго, однако расследование не будет ограничено одним Чикаго. Макгрот был абсолютно уверен в этом.

– Мило, ты восстанавливаешь все действия Холли, – сказал он. – Шаг за шагом, минута за минутой начиная с полудня.

Милошевич рассеянно кивнул, словно уже погрузившись в работу.

– Броган, ты проверяешь ее прошлое, – продолжил Макграт. – Надо найти какие-то причины произошедшего.

Броган поморщился, словно ему было известно, что в этом деле причины имеют приоритетное значение.

– Мне начать со старика? – спросил он.

– Разумеется, – согласился Макграт. – По крайней мере, я бы поступил так.

– Хорошо, но с которого? – спросил Броган.

– С любого. Выбирай сам.

* * *

В тысяче семистах двух милях от Чикаго было принято другое важное решение. Решение относительно третьего плотника. Заказчик вернулся к белому зданию на пикапе строителей. Третий плотник, успевший сложить инструмент, шагнул вперед к подъезжающей машине, но озадаченно остановился, увидев того, кто сидел за рулем. Он в замешательстве застыл на месте, а заказчик, подъехав к дому, вылез из кабины.

– Ну? – спросил он.

– Где ребята? – ответил вопросом на вопрос плотник.

– Появилось одно дельце, – ответил заказчик. – Одно срочное дельце.

– Какие-то проблемы?

Он умолк, подумав о своей доле. Конечно, она была самая маленькая, потому что в бригаде он был младшим, но все же даже самая маленькая доля от общей стоимости работ представляла сумму бóльшую, чем он видел за все последнее время.

– У тебя есть пила? – спросил заказчик.

Плотник лишь молча посмотрел на него.

– Глупый вопрос, да? – продолжил заказчик. – Вы плотники, а я спрашиваю, есть ли у вас пила. Ладно, покажи мне лучшее из того, что у вас есть.

Плотник растерянно постоял на месте, затем нагнулся и достал из ящика с инструментами мощную циркулярную пилу. Тусклый блеск металлического корпуса, большой диск, облепленный свежими опилками.

– Поперечный? – спросил заказчик. – Подойдет для того, чтобы перепилить действительно твердые штуковины?

Плотник кивнул:

– Справится со всем.

– Ну хорошо, тогда слушай внимательно. Мне нужна демонстрация.

– Чего? Пилы?

– Комнаты.

– Комнаты? – переспросил плотник.

– Должно быть так, чтобы из нее нельзя было выбраться, – сказал заказчик. – Это ведь было главное требование, верно?

– Вы сами поставили задачу.

– Но выполнили ли вы ее? Вот что я хочу узнать. Нам нужно устроить проверку. Демонстрацию того, что комната действительно удовлетворяет всем требованиям.

– Хорошо. Но каким образом? – спросил плотник.

– Ты отправишься туда. И мы посмотрим, сможешь ли ты выбраться из нее до утра. Ты ведь сам ее строил. Значит, тебе должны быть известны все ее слабые места. Если кто-то и сможет выбраться оттуда, то только ты, ведь так?

Плотник молчал, пытаясь понять.

– Ну а если у меня получится? – наконец спросил он.

Заказчик пожал плечами:

– Тогда я ничего не заплачу. Потому что вы не выполнили мои требования.

Плотник снова умолк, не понимая, говорит ли заказчик серьезно.

– Ты заметил изъян в моей логике? – спросил заказчик. – Сейчас ты думаешь, что в твоих интересах просто просидеть всю ночь, ничего не делая, а утром доложить мне: «Нет, сэр, я не смог выбраться отсюда. Нет, сэр, никак не смог».

Плотник издал нервный смешок.

– Да, я именно так и думал, – подтвердил он.

– Значит, тебе нужна побудительная причина, – сказал заказчик. – Понимаешь? Для того чтобы ты действительно всеми силами старался выбраться из комнаты.

Плотник обернулся на глухие стены угловой комнаты второго этажа. Когда он снова посмотрел на заказчика, тот держал в руке черный пистолет.

– В машине лежит мешок. Сходи и принеси его.

Ошеломленный плотник огляделся по сторонам. Заказчик нацелил пистолет ему в голову.

– Принеси мешок, – тихо повторил он.

В кузове ничего не было. Холщовый мешок лежал на сиденье в кабине. Внутри находилось что-то бесформенное длиной фута полтора. Мешок оказался тяжелым. Плотнику почему-то вспомнилось, как он на рынке доставал из морозилки половину свиной туши.

– Открой, – окликнул его заказчик. – И загляни внутрь.

Плотник развернул горловину мешка. Первым, что он увидел, был палец. Белый как лед, потому что из него вытекла вся кровь. Отчетливо выступали трудовые мозоли, большие и желтые.

– Сейчас я запру тебя в комнате, – продолжил заказчик. – Если к утру ты не выберешься из нее, я сделаю с тобой то же самое, понятно? Твоей собственной пилой, потому что моя затупилась, пока я занимался вот этим.

Глава 9

Ричер тихо лежал на грязной соломе на полу коровника. Он не спал, однако его тело полностью отключилось, так что эффект был тот же самый. Все мышцы расслабились, дыхание стало ровным и медленным. Глаза были закрыты, потому что в крошечной темноте все равно смотреть было не на что. Однако мозг его бодрствовал. Не перебирал лихорадочно мысли, а напряженно работал, с той полной сосредоточенностью, какая бывает только ночью, когда ничто не отвлекает.

Ричер занимался сразу двумя делами. Во-первых, он вел отсчет времени. Прошло уже почти два часа с тех пор, как он в последний раз сверялся с часами, но Ричер знал время с точностью до двадцати секунд. Это умение родилось давно, за долгие ночи без сна во время службы в армии. Когда чего-то ждешь, тело закрывается, словно домик на морском курорте на зимний период, а рассудок сосредоточивается на ровном счете проходящих секунд. Жизненные процессы словно приостанавливаются. Это позволяет сберечь энергию, а ответственность за работу сердца передается от погруженного в сон мозга каким-то внутренним часам. Вместо мыслей остается бескрайняя черная пустота. Но это позволяет оставаться бодрствующим, готовым к тому делу, которое ждешь. И это означает, что ты всегда знаешь, который сейчас час.

Во-вторых, Ричер осуществлял в уме нехитрые арифметические вычисления. Перемножал многозначные числа. Ему ровно тридцать семь лет и восемь месяцев, с точностью до дня. Тридцать семь умножить на триста шестьдесят пять будет тринадцать тысяч пятьсот пять. Плюс двенадцать дней на двенадцать високосных лет, итого получится тринадцать тысяч пятьсот семнадцать. И еще восемь месяцев начиная с его дня рождения в октябре до сегодняшнего дня в июне – двести сорок три дня. Всего тринадцать тысяч семьсот шестьдесят дней, тринадцать тысяч семьсот шестьдесят ночей. Ричер

пытался определить место данной конкретной ночи в этой бесконечной веренице. Исходя из того, насколько она плохая.

И он вынужден был признать, что, хотя это не лучшая ночь в его жизни, ей далеко до худшей. Очень далеко. Из первых четырех лет у него в памяти ничего не сохранилось. То есть оставалось около двенадцати тысяч трехсот ночей. Так вот, данная конкретная ночь попадала куда-то в верхнюю треть. Особо не напрягаясь, Ричер мог вспомнить тысячи ночей, гораздо более плохих, чем эта. Сегодня ему было тепло и уютно, он не был ранен, непосредственно в данный момент ему ничего не угрожало, и его накормили. Не слишком хорошо, но Ричер был склонен думать, что объяснялось это скорее отсутствием кулинарных навыков, чем стремлением причинить боль. Так что в физическом отношении ему было не на что жаловаться.

Правда, рассудок подсказывал другое. Ричер оказался в вакууме, таком же непроницаемом, как и темнота в коровнике. Вся проблема заключалась в полном отсутствии информации. Ричер был не из тех, кто автоматически чувствует себя неуютно из-за отсутствия информации. Сын офицера морской пехоты, он с самого рождения жил неразрывно с армией. Поэтому непредсказуемость и неопределенность были ему хорошо знакомы. Однако сегодня недостающих элементов было слишком много.

Ричер не имел понятия, где он находится. Случайно или преднамеренно, трое похитителей ничем не выдали того, куда они направляются. Поэтому Ричер чувствовал себя заблудившимся. Одна из проблем состояла в том, что из тринадцати тысяч семисот шестидесяти дней своей жизни он меньше пятой части провел на территории Соединенных Штатов. Такой же американец, как и президент, Ричер большую часть жизни находился на военных базах, раскиданных по всему земному шару. В результате он знал свою родину приблизительно так же, как ее знает семилетний ребенок. Поэтому Ричер не мог расшифровывать тонкие нюансы, ощущения и запахи Америки, как ему этого хотелось бы. Вполне

вероятно, кто-нибудь другой сумел бы распознать невидимые контуры невидимого ландшафта, привкус воздуха или температуру ночи и сказать: «Сейчас я нахожусь в том или ином штате». Вероятно, кто-нибудь мог так сделать. Но только не Ричер. И в этом была главная проблема.

Вдобавок он не имел понятия, кто похитители, чем они занимаются и что замыслили. Ричер внимательно наблюдал за ними при каждой возможности. Но прийти к каким-нибудь заключениям было очень трудно. Свидетельства были противоречивыми. Похитителей трое, относительно молодые, лет тридцать – тридцать пять, обученные, подготовленные совместно действовать с определенной степенью эффективности. Выучка почти военная, но не совсем. И вообще ни к какому официальному ведомству они отношения не имеют. Весь их внешний вид вопит: любители.

Все в них было слишком аккуратным. У всех троих новая одежда из поплина, купленная в универмаге. Все трое недавно подстриглись. Оружие только что из ящиков. «Глоки» абсолютно новые. Ружье тоже новое, еще хранит заводскую смазку. Следовательно, это не профессионалы. Потому что профессионалы занимаются своей работой каждый день. Спецназ, ЦРУ, ФБР, полиция – это их ремесло. Они носят рабочую одежду. Оружие выдано им еще в прошлом, а то и в позапрошлом году; это проверенное, надежное оружие, поцарапанное, потертое, рабочее. Если наугад выхватить трех профессионалов, у одного на рубашке окажутся следы от вчерашней пиццы, другой утром не успел побриться, третий носит ужасные старые брюки, над которыми у него за спиной смеются все коллеги. Возможно, попадетсся и новый костюм, новый пистолет, новые ботинки, но вероятность одновременно увидеть на трех профессионалах все новое настолько мала, что ее можно сбросить со счетов.

Кроме того, похитителей выдавало их поведение. Уверенные, но нервные, напряженные, грубые, жесткие. Прошедшие определенную подготовку, но не имеющие опыта. Не применявшие полученные

знания на практике. Теорию они усвоили достаточно хорошо, что позволило им избежать серьезных ошибок, но до автоматизма профессионалов им было далеко. Следовательно, эта троица – любители. И они похитили молодого агента ФБР. Почему? Чем мог кому-то помешать молодой агент ФБР? Ричер не имел понятия. А сам агент ФБР ничего не говорил. Еще одна загадка. Но не самая большая. Самая большая загадка состояла в том, что Ричер до сих пор никак не мог понять, почему он остался.

Ричер понимал, что лишь по прихоти случая он оказался рядом с Холли Джонсон в тот самый момент, когда на нее набросились похитители. Он ничего не имел против. Судьба выкидывает самые неожиданные фокусы. Вся жизнь зависит от воли случая, сколько бы люди ни утверждали обратное. И сам Ричер никогда не тратил время на размышления о том, как могли бы развиваться события, если бы это случилось так, а это – так. Несомненно, если бы он шел по этой чикагской улице минутой раньше или минутой позже, он уже прошел бы мимо химчистки или еще не подошел бы к ней и так ни черта ни о чем и не узнал бы. Но он шел по этой улице не раньше и не позже и по прихоти случая оказался втянут в эту историю, поэтому не было смысла без толку гадать, могло ли все сложиться иначе.

Но Ричер еще не определил, почему он до сих пор здесь, четырнадцать часов спустя после похищения, если верить часам у него в голове. У него были две относительно надежные возможности бежать и одна железная. В первый раз, на улице, ему, скорее всего, удалось бы бежать. Наверняка удалось бы. Его остановила опасность причинить вред случайным прохожим. Затем он мог бы бежать на пустынной стоянке, когда пересаживался в фургон. Наверняка смог бы. В обоих случаях трое против одного, но – трое любителей против Джека Ричера, и он ничего не имел против такого соотношения сил.

Железная возможность бежать представилась ему в коровнике примерно через час после того, как похитители вернулись с заправки. Ричер мог бы снова отпереть наручники, забраться на

стену, спрыгнуть во двор и уйти. Добежать до дороги, пойти пешком и исчезнуть в темноте. Почему он этого не сделал?

Ричер лежал, погруженный в бескрайнюю иссиня-черную пустоту релаксации, и думал, что удержала его Холли Джонсон. Он не бежал, потому что не смог пойти на риск. Похитители могли запаниковать, расправиться с молодой женщиной и спастись бегством. Ричер этого не хотел. Холли умная, храбрая женщина. Проницательная, нетерпеливая, уверенная, крепкая. И привлекательная скромной, ненавязчивой красотой. Смуглая, стройная, образованная и энергичная. Замечательные глаза. Самое большое впечатление на Ричера произвели глаза. Эти очаровательные глаза его пленили.

И все же главным были не глаза. И не внешность Холли. Не ее ум и характер. Главным было ее колено. Вот что определило решение Ричера: мужество Холли и чувство собственного достоинства. Ричер нашел благородным и мужественным то, как симпатичная, волевая женщина борется с непривычным для себя состоянием относительной беспомощности. Он уважал таких людей. Холли превозмогала трудности. У нее это хорошо получалось. Она не жаловалась. Не просила о помощи. И поскольку она не просила о помощи, Ричер решил ей помочь.

Глава 10

В половине шестого утра во вторник специальный агент ФБР Бруган, оставшись в одиночестве в зале совещаний на третьем этаже, воспользовался одним из только что проведенных телефонов, чтобы позвонить своей подруге. Половина шестого утра не лучшее время, чтобы извиняться за сорванную встречу накануне вечером, но Бруган был очень занят, и, по его прикидкам, впереди просвета тоже не предвиделось. Поэтому он набрал номер своей подруги. Разбудив ее, он объяснил, что на него навалились дела и, по всей видимости, он не разберется с ними до конца недели. Не вполне проснувшаяся подруга была очень недовольна. Она заставила Бругана повторить все дважды. После чего предпочла истолковать его слова как трусливую прелюдию к разрыву. Бруган, в свою очередь, тоже рассердился. Он сказал, что Бюро всегда будет на первом месте. Неужели это нельзя понять? Но объяснять подобные вещи в половине шестого утра заспанной женщине очень непросто. Они поругались, и расстроенный Бруган бросил трубку.

Его напарник Милошевич сидел в своем кабинете, развалившись в кресле, также расстроенный. Его проблема заключалась в отсутствии воображения. Это было его самым слабым местом. Макграт приказал ему проследить каждый шаг Холли Джонсон, начиная со вчерашнего полудня. Однако Милошевичу пока что так ничего и не пришло в голову. Он видел, как Холли вышла из здания ФБР. Шагнула на улицу, сжимая в руке металлический костыль. Все это произошло у него на глазах. Но дальше картинка обрывалась. Милошевич усердно ломал голову всю ночь напролет, но так ничего и не смог придумать.

В половине шестого он принял душ, затем выпил кофе, по-прежнему чувствуя себя отвратительно. Вернулся в свой кабинет. Сел за стол, погружаясь в размышления. Затем взглянул на массивные золотые часы на руке, чтобы узнать время. Улыбнулся. Почувствовал себя лучше. Подумал еще немного. Снова сверился с часами и

кивнул. Теперь Милошевич мог ответить своему начальнику, куда направилась вчера в двенадцать часов дня Холли Джонсон.

* * *

В тысяче семистах двух милях от него сгущалась паника. Первые несколько часов третий плотник провел в тупом оцепенении, обессиленный и покорный. Заказчик заставил его подняться на второй этаж и затолкнул в угловую комнату. Тупое оцепенение вынудило молодого парня потерять впустую несколько часов. Он сидел на полу, бессмысленно уставившись в стену. Затем его охватила безумная надежда, что все это лишь неудачная шутка-страшилка в духе Хеллоуина. Парень потерял еще несколько часов, убеждая себя, что ничего страшного не произойдет. Но наконец, как всегда бывает с осужденными, оставшимися в одиночестве в предрассветные часы, надежды оставили его, и он задрожал от страха, погружаясь в панику.

Потеряв впустую половину отведенного времени, плотник занялся лихорадочной деятельностью. Однако он понимал, что все его усилия бесполезны. Удар насмешницы-судьбы был сокрушительным. Работая над этой комнатой, плотники постарались на славу. Сделали все как нужно. У них перед глазами плясали пухлые пачки долларов. Они нигде не схалтурили. Все до одной доски были плотно подогнаны друг к другу и прочно приколочены. Плотники не использовали ни одной своей уловки, позволяющей ускорить работу за счет ее качества. Все до одного гвозди были забиты по самую шляпку. Окна отсутствовали. Дверь была прочная. Выбраться отсюда невозможно. Целый час парень, словно обезумевший, бродил по комнате. Ощупывал огрубелыми ладонями каждый квадратный дюйм стен, потолка, пола. Это было лучшее творение его бригады. В конце концов парень забился в угол и, уставившись на свои окровавленные руки, расплакался.

* * *

– Химчистка, – сказал Макграт. – Вот куда направилась Холли.

Они находились в зале совещаний на третьем этаже. Вторник, семь часов утра. Макграт сидел во главе стола. Перед ним лежала новая пачка сигарет.

– Вот как? – удивился Броган. – Она направилась в химчистку?

– Мило, объясни ему, – попросил Макграт.

Милошевич улыбнулся.

– Я только что вспомнил, – начал он. – Я проработал с Холли пять недель. С тех пор, как она повредила колено. Каждый понедельник в обеденный перерыв она сдавала вещи в химчистку. И забирала то, что сдавала на прошлой неделе. Не думаю, что этот понедельник чем-то отличался от остальных.

– Допустим, – согласился Броган. – Но в какую именно химчистку?

Милошевич покачал головой:

– Не знаю. Холли всегда ходила одна. Я пытался предложить свою помощь, но она каждый раз отказывалась, все пять понедельников подряд. Холли не возражала, когда я помогал ей по работе, но она ни за что не соглашалась позволить мне носить ее вещи в химчистку. Холли не любит от кого-то зависеть.

– Но она ходила в химчистку пешком? – спросил Макграт.

– Совершенно верно, – подтвердил Милошевич. – Только пешком. Неся восемь-девять предметов одежды на вешалках. Поэтому можно спокойно предположить, что это место находится где-то недалеко.

Броган улыбнулся. Это уже какая-то зацепка. Достав телефонный справочник, он раскрыл его на букве «Х».

– Каким радиусом ограничимся? – спросил он.

Макграт пожал плечами:

– Двадцать минут туда, двадцать минут обратно. Это максимум, верно? Не думаю, что с костылем Холли могла проковылять за

двадцать минут больше четверти мили. Итого берем квадрат со стороной в полмили, с этим зданием в центре. Что у нас получается?

Броган развернул подробный план города. Изобразил грубый прямой угол раздвинутыми большим и указательным пальцами. По масштабной сетке определил, какое расстояние соответствует половине мили. Нарисовал на плотной сетке улиц квадрат. Уткнулся в телефонный справочник, то и дело сверяясь с планом и подчеркивая названия карандашом. Закончив, подсчитал, что получилось.

– Двадцать один пункт.

Макграт удивленно посмотрел на него:

– Двадцать один? Ты не ошибся?

Броган пододвинул начальнику справочник.

– Двадцать один пункт химчистки. Судя по всему, жители этого города очень следят за своей одеждой.

– Ну хорошо, – согласился Макграт. – Двадцать один пункт. Ребята, в дорогу!

Броган взял себе десять адресов, оставив Милошевичу одиннадцать. Макграт выдал обоим агентам большие цветные фотографии Холли Джонсон, переснятые с ее личного дела. Проводив их, он сел в кресло во главе стола и стал ждать, уставившись в пустоту, непрерывно куря и выстукивая кончиком карандаша беспокойный ритм.

* * *

Плотник услышал шум на улице гораздо раньше, чем ожидал. У него не было часов, а в комнате отсутствовали окна, но он был уверен, что до утра еще далеко. Как минимум еще час. А то и два. Но он услышал шум. К дому приблизились люди. Затаив дыхание, парень прислушался. Три или четыре человека. Парень снова заметался по комнате. Затем растерянно застыл, сознавая, что ему

следовало бы колотить кулаками и ногами по новым сосновым доскам. Он это понимал. Но ничего не делал. Потому что знал: это безнадежно. Потому что в глубине души понимал: ему надо хранить молчание. Парень был в этом уверен. Убежден. Если он будет вести себя тихо, его, возможно, оставят в покое. Забудут, что он заперт в комнате.

* * *

Нужное заведение нашел Милошевич. Оно оказалось седьмым из одиннадцати в его списке. Химчистка только что открылась, времени было без двадцати восемь утра. Скромная вывеска, но внутри все очень стильно. Чувствовалось, что заведение не заинтересовано в том, чтобы привлекать случайных клиентов. Химчистка обещала все мыслимые и немыслимые виды чистки и индивидуальный подход к клиентам. Заказы принимала корейка. Показав значок ФБР, Милошевич положил на стойку фотографию Холли.

– Вы когда-нибудь видели эту женщину? – спросил он.

Корейка сосредоточенно посмотрела на снимок, сплетя руки за спиной.

– Ну разумеется. Это мисс Джонсон, она приходит каждый понедельник.

Милошевич шагнул ближе к стойке.

– Вчера она приходила?

Задумавшись на мгновение, женщина кивнула:

– Конечно. Как я уже говорила, она приходит каждый понедельник.

– В котором часу?

– В обеденный перерыв. Всегда в обеденный перерыв.

– Около полудня? В половине первого?

– Ну да, – подтвердила корейка. – Всегда по понедельникам, в обеденный перерыв.

– Так, и что было вчера?

Женщина пожалала плечами:

– Ничего особенного. Мисс Джонсон вошла, забрала готовую одежду, расплатилась и сдала другие вещи в чистку.

– С ней кто-нибудь был? – спросил Милошевич.

– Никого. Мисс Джонсон всегда приходит одна.

– В какую сторону она направилась, выйдя от вас?

Женщина указала в сторону здания ФБР.

– Она пришла оттуда.

– Я не спрашиваю у вас, откуда она пришла. Куда она направилась, выйдя от вас?

– Я не видела, – растерянно ответила женщина. – Я относила вещи, которые принесла мисс Джонсон. Было слышно, как открылась и закрылась дверь, но я не видела, куда направилась мисс Джонсон. Я была в задней части заведения.

– Вы просто схватили ее вещи? – недоверчиво спросил Милошевич. – И побежали их относить еще до того, как мисс Джонсон ушла?

Женщина потупила взор, словно ее обвинили в чем-то непристойном.

– Я никуда не побежала. Мисс Джонсон ходит с трудом. У нее ведь больная нога. Мне показалось, я не должна на нее смотреть. Чтобы она не смущалась. Поэтому я ушла с ее вещами, чтобы она смогла выйти спокойно.

Милошевич запрокинул голову, испуская вздох. Увидел над прилавком объектив видеокамеры.

– Это еще что такое?

Корейка обернулась и посмотрела в ту же сторону.

– Видеокамера наблюдения. На ней настояла страховая компания.

– Она работает?

– Разумеется. Страховая компания сказала, что без этого никак нельзя.

– Она включена постоянно? – продолжил Милошевич.

– Ну да, – хихикнула женщина. – Она и сейчас записывает. И вы есть на ленте.

Милошевич взглянул на часы:

– Мне нужна кассета, снятая вчера. Немедленно.

Женщина снова запнулась. Милошевич вторично продемонстрировал значок.

– Этим делом занимается Федеральное бюро расследований. Мне нужна эта кассета, прямо сейчас, вы поняли?

Женщина кивнула и подняла руку, прося его подождать. Вышла в дверь в задней части помещения. Вернулась через некоторое время, принеся с собой запах химических реактивов и видеокассету.

– Но вы должны будете вернуть ее. Страховая компания заставляет нас хранить их в течение месяца.

* * *

Милошевич сразу же отнес кассету в здание ФБР, и к половине девятого технические специалисты Бюро снова засуетились в зале совещаний на третьем этаже, подключая к обычному видеомэгнитофону мониторы, установленные на длинном столе. Сначала перегорел какой-то предохранитель, потом нужный шнур оказался слишком коротким и компьютер пришлось переставлять ближе к видеомэгнитофону. Наконец старший техник протянул Макграту пульт дистанционного управления.

– Все работает, шеф.

Прогнав техников из зала, Макграт пригласил двоих агентов сесть ближе к экрану. Мониторы были установлены экранами к окнам, поэтому агентам пришлось сесть спиной к свету. Однако сейчас это не причиняло никаких неудобств, потому что в утренние часы солнце нещадно жарило противоположную сторону здания.

* * *

То же самое солнце, поднявшись над горизонтом в тысяче семистах двух милях от Чикаго, возвестило начало ясного утра. Молодой плотник знал, что оно взошло. Он слышал тихое потрескивание старого дерева, нагревающегося под жаркими лучами. Снаружи, снизу доносились приглушенные голоса. Голоса людей, начинающих новый день.

У него на руках не осталось ногтей. Парень нашел щель между двумя неплотно подогнанными досками. Просунул в нее ногти и потянул изо всех сил. Ногти оторвались один за другим. Доска даже не шелохнулась. Парень отступил в угол и свернулся в клубок на полу. Он облизал изуродованные пальцы, измазав рот кровью, словно ребенок, перепачкавшийся кремом с торта.

На лестнице послышались шаги. Высокий и тяжелый человек, легкая походка. Шаги остановились за дверью. Щелкнул замок. Дверь открылась. Парень увидел заказчика. Одутловатое лицо, два красных пятна на щеках.

– Ты все еще здесь.

Молодой плотник был словно парализован. Не в силах двигаться, не в силах говорить.

– Ты не смог выбраться отсюда.

Тишина в комнате нарушалась лишь медленным поскрипыванием деревянного каркаса, нагревающегося по мере того, как лучи утреннего солнца скользили по крыше.

– Итак, что нам теперь делать? – спросил заказчик.

Парень лишь безучастно смотрел перед собой, не шелохнувшись. Вдруг заказчик улыбнулся, дружелюбно, ласково, как будто удивляясь чему-то.

– Ты решил, я говорил серьезно? – мягко спросил он.

Парень заморгал. Медленно, с надеждой покачал головой.

– Ты ничего не слышишь? – спросил заказчик.

Парень прислушался. Услышал тихое потрескивание дерева, песнь лесных птиц, беззвучный шелест нагретого на солнце воздуха.

– Вы просто пошутили? – спросил он.

Его голос прозвучал сиплым хрипом. Облегчение, надежда и страх приклеили язык к пересохшему нёбу.

– Прислушайся хорошенько.

Парень прислушался. Скрипело дерево, пели птицы, вздыхал теплый воздух. Больше ничего не было слышно. Тишина. Вдруг парень услышал щелчок. И вой. Низкий, быстро повысившийся до знакомой, громкой ноты. Этот звук был ему хорошо знаком. Звук мощной дисковой пилы, работающей на максимальных оборотах.

– Ну а теперь ты что думаешь? – пронзительно взвизгнул заказчик.

Глава 11

Холли Джонсон была немного разочарована тем, как Ричер оценил стоимость ее гардероба. Он предположил, что у нее пятнадцать–двадцать нарядов, каждый стоимостью около четырехсот долларов, итого тысяч восемь на одежду. В действительности у Холли в гардеробе было тридцать четыре деловых костюма. Она проработала три года на Уолл-стрит. У нее было восемь тысяч вложено в одну только обувь. Четыре сотни долларов она тратила на одну блузку, и то лишь когда здравый смысл подсказывал ей быть экономной.

Больше всего Холли любила Армани. У нее было тринадцать весенних костюмов этого модельера. В весенней по меркам Милана одежде в Чикаго можно было проходить все лето. Ну разве что в самую сильную августовскую жару Холли переходила на одежду от Москино, но в июне, июле и, если повезет, в сентябре костюмы от Армани были как раз то, что нужно. Свой любимый костюм темно-персикового цвета Холли купила в последний год работы на бирже. Какая-то загадочная итальянская смесь шелков. Раскроенная и сшитая людьми, чьи предки несколько столетий имели дело с тканями. Они смотрят на материал, оценивают его, разрезают, и он как-то сам собой принимает восхитительные мягкие формы. Затем они выставляют свое произведение на продажу, его покупает молодой брокер с Уолл-стрит и бережно носит его в течение двух лет. Именно оно надето на ней сейчас, когда ее, уже агента ФБР, похитили среди бела дня на улице Чикаго. Костюм остается на ней и восемнадцать часов спустя, после бессонной ночи на грязной соломе в коровнике. Правда, сейчас он приобрел такой вид, что Армани никогда бы не узнал в нем творение своих рук.

Трое похитителей, вернувшись, загнали фургон задом в центральный проход коровника. Заперли ворота и исчезли. Холли рассудила, что они отправились ночевать в дом. Ричер тихо спал в

своем стойле, прикованный к ограждению, а она, не в силах заснуть, крутилась и металась на соломе, размышляя о нем.

Она чувствовала себя в ответе за безопасность этого человека. Случайного прохожего, оказавшегося замешанным в ее дела. Что бы ни готовило ей будущее, она обязательно должна позаботиться о нем. Это ее долг. Ричер тяжелой ответственностью лег ей на плечи. И он лгал. Холли была абсолютно уверена в том, что он не вышибала из блюз-клуба. Семейство Джонсон было тесно связано с армией. Вместе с отцом Холли провела на военных базах всю свою жизнь, вплоть до поступления в Йельский университет. Она знала армию. Знала военных. Холли сразу же почувствовала, что Ричер военный. Своим наметанным глазом она разглядела в нем солдата. И самое главное, он вел себя как солдат. Вполне возможно, вышибала умеет отпирать отмычкой замки и словно обезьяна взбираться на стены, но даже если он это и сделает, в его движениях будет сквозить растерянность или, наоборот, бравада. У него это не получится так же естественно, как вдох и выдох. Ричер – молчаливый, сдержанный, физически подготовленный человек, натренированный сохранять сверхчеловеческое спокойствие. Вероятно, он лет на десять старше Холли, но ему меньше сорока. Рост около шести футов пяти дюймов, вес двести двадцать фунтов, атлетическое телосложение, голубые глаза, редящие светлые волосы. Достаточно внушительный для того, чтобы работать вышибалой, и возраст вполне подходящий для того, чтобы успеть повидать жизнь. И все же определенно он военный. Военный, выдающий себя за вышибалу из клуба. Но почему?

Холли не имела понятия. Она лежала в неудобной позе на соломе, вслушиваясь в тихое дыхание Ричера, лежащего в двадцати футах от нее. Вышибала или швейцар, старше ее на десять лет или нет, она за него в ответе. Холли не спала. Напряженно думала. К тому же и колено разболелось. В половине девятого, если верить ее часам, она услышала, как Ричер проснулся. Ритм его дыхания едва уловимо изменился.

– Доброе утро, Ричер, – окликнула она.

– Доброе утро, Холли. Они возвращаются.

На улице было тихо, но через некоторое время Холли различила звук шагов. Ловкость как у обезьяны, слух как у летучей мыши. Тот еще вышибала.

– Как ты? – спросил Ричер.

Холли ничего не ответила. Это она отвечает за него, а не наоборот. Послышался грохот ключа, распахнулись ворота. В коровник хлынул свет. Холли увидела просторные зеленые луга. Возможно, Пенсильвания. Трое похитителей вошли в коровник и закрыли ворота.

– Вставай, сучка, – бросил главарь.

Холли не шелохнулась. Ее охватило непреодолимое желание ни за что на свете не возвращаться в фургон. Там темно и неудобно, и дорога слишком утомительная. Холли не знала, сможет ли она продержаться там еще день, трясясь, налетая на стены и, самое главное, не имея понятия, куда ее везут, зачем и кто. Она непроизвольно вцепилась в стальную трубу ограждения, словно собиралась оказать сопротивление. Главарь, не двинувшись с места, достал «глок». Посмотрел на Холли.

– Есть два способа. Простой и сложный.

Холли ничего не ответила. Продолжала молча сидеть на соломе, ухватившись за трубу. Урод-водитель, сделав три шага вперед, ухмыльнулся, снова уставившись на ее грудь. Под его взглядом Холли почувствовала себя голой и содрогнулась от отвращения.

– Выбирай, сучка, – сказал главарь.

Холли услышала, как Ричер зашевелился в стойле.

– Нет, выбирайте вы, – заговорил он. – Нам нужно пойти навстречу друг другу. Проявить взаимопонимание. Вы хотите, чтобы мы вернулись в фургон? Сделайте так, чтобы мы сами это захотели.

Голос Ричера прозвучал спокойно и ровно. Холли изумленно уставилась на него. Увидела сидящего на соломе мужчину, скованного, безоружного, совершенно беспомощного во всех

мыслимых значениях этого слова перед лицом троих враждебно настроенных вооруженных людей.

– Нам нужно позавтракать, – продолжил Ричер. – Пожалуйста, тосты с виноградным джемом. И кофе, но гораздо крепче, чем вчерашнее пойло, ладно? Хороший кофе имеет для меня очень большое значение. Вы должны это понять. Далее, положите в кузов два матраса. Один полуторный, один двойной. Сделайте нам что-то вроде дивана. И тогда мы сядем в машину.

Наступила полная тишина. Холли переводила взгляд с Ричера на главаря и обратно. Ричер спокойно смотрел главарю в лицо, не мигая. Главарь ошеломленно таращился на него. В воздухе сгущалось напряжение. Водитель, оторвав взгляд от тела Холли, посмотрел на Ричера. В его глазах сверкнула ярость. Но тут главарь развернулся и кивком приказал подручным следовать за собой. Холли услышала, как за ними закрылись ворота.

– Ты ешь тосты? – спросил Ричер.

Потрясенная, Холли не смогла вымолвить ни слова.

– Когда тебе принесут тосты, отошли их назад, – продолжил Ричер. – Пусть приготовят другие. Скажешь, что они слишком бледные или, наоборот, подгорели. В общем, придумаешь что-нибудь.

– Черт побери, что ты делаешь?

– Психология, – объяснил Ричер. – Пора занять доминирующее положение. В подобных ситуациях это очень важно.

Холли изумленно смотрела на него.

– Делай как я говорю, хорошо? – спокойно произнес он.

* * *

Холли послушно сделала все так, как сказал Ричер. Нервный тип принес тосты. На вид они были практически безукоризненные, но девушка их отвергла. Бросив на тосты презрительный взгляд,

которого может удостоиться разве что небрежно составленный балансовый отчет, она заявила, что эти сухари есть не будет. Холли пришлось стоять, опираясь на одну ногу; в персиковом платье от Армани, перепачканном коровьим навозом, она выглядела ужасно, но тем не менее ей удалось изобразить столько высокомерного презрения, что парень смутился. Вернувшись в дом, он приготовил новые тосты.

Тосты сопровождал кофейник с крепким кофе. Холли и Ричер позавтракали, звеня цепями, каждый в своем стойле, в двадцати футах друг от друга. Тем временем двое других похитителей притащили в коровник матрасы. Один полуторный, другой двуспальный. Закинув матрасы в фургон, они уложили полуторный на пол, а двуспальный, сложив под прямым углом, прислонили к стенке. Наблюдая за ними, Холли почувствовала себя гораздо лучше. Только сейчас до нее дошло, чего именно стремился добиться своими психологическими опытами Ричер. Он думал не только о похитителях, но и о ней. Он постарался не допустить, чтобы она ввязалась в драку. Потому что она потерпела бы поражение. И Ричер пошел на риск, чтобы разрядить безнадежное противостояние. Холли была поражена. Ошеломлена. Внезапно она поймала себя на мысли: «Этот человек вывернул все наизнанку. Это он старается заботиться обо мне».

– Вы не хотите представиться? – спокойным тоном спросил Ричер. – Как-никак нам предстоит провести вместе какое-то время, так почему бы не вести себя как культурные люди?

Главарь молча смерил его взглядом и ничего не сказал.

– Лица ваши мы уже видели, – продолжил Ричер. – Так что, если вы назовете свои имена, хуже от этого никому не станет. А нам с вами, думаю, нужно постараться установить хорошие отношения.

Подумав, главарь представился:

– Лодер.

Нервный переступил с ноги на ногу.

– Стиви.

Водитель с некрасивым лицом понял, что все четверо смотрят на него. Он быстро опустил голову.

– А я вам ничего не скажу. С какой стати я должен что-то говорить?

– И давайте уясним, – сказал тот, кого звали Лодером. – Культурные отношения – это не значит дружеские, договорились?

Он нацелил свой «глок» Ричеру в голову и задержал его так. У него на лице не дрогнул ни один мускул. Да, отношения никак не дружеские. Ричер осторожно кивнул. Они с Холли оставили тарелки и кружки на соломе. Тип по имени Лодер расстегнул наручники. Ричер и Холли встретились в центральном проходе под прицелом двух «глоков» и одного ружья. Водитель ухмылялся. Спокойно выдержав его взгляд, Ричер нагнулся и подхватил Холли на руки, словно она была невесомой. Пронес десять шагов до фургона. Осторожно посадил ее внутрь. Забрался сам. Они проползли к импровизированному дивану и устроились поудобнее.

Задняя дверь фургона захлопнулась. Щелкнул замок. Открылись ворота коровника. Завизжал стартер, заработал двигатель. Фургон выехал из коровника и затрясся на ухабах. Через сто пятьдесят ярдов повернул вправо и пятнадцать минут медленно ехал прямо.

– Мы не в Пенсильвании, – заметила Холли. – Дороги слишком прямые. И слишком ровные.

Ричер пожал плечами:

– И мы больше не скованы наручниками. Вот что дает психология.

Глава 12

– Это еще что за чертовщина? – выругался старший агент Макграт. Повозившись с пультом дистанционного управления, он перемотал кассету на начало. Снова включил воспроизведение. Однако картинка на экране по-прежнему не имела никакого смысла. Ускоренное изображение дергалось, запорошенное белым «снегом».

– Черт побери, что это? – повторил Макграт.

Броган, посмотрев на экран, покачал головой. Милошевич придвинул кресло. Это он принес видеокассету, поэтому он чувствовал себя ответственным за нее. Макграт снова перемотал кассету на начало и еще раз попробовал включить воспроизведение. Тот же результат. Стремительное мельтешение несвязанных картинок.

– Тащите сюда кого-нибудь из техников, – велел Макграт.

Милошевич воспользовался телефоном рядом с кофейным автоматом. Позвонил в технический отдел, расположенный на следующем этаже. Через минуту в зал прибежал старший специалист. Тон, которым разговаривал с ним Милошевич, заставил его поторопиться лучше любых слов.

– Эта треклятая кассета не работает, – пожаловался Макграт.

Техник взял пульт дистанционного управления со смесью уверенности и неуверенности, которую демонстрируют технические специалисты во всем мире. Они свободно обращаются с самым сложным оборудованием, но каждый конкретный аппарат обладает своими причудами. Изучив клавиши, техник большим пальцем с обгрызенным ногтем уверенно ткнул в перемотку. Кассета с ворчанием перемоталась на начало. Техник включил воспроизведение и увидел тот же самый поток мелькающих изображений и белый «снег».

– Ты можешь это исправить? – спросил Макграт.

Остановив кассету, техник снова включил перемотку.

– С кассетой все в порядке. Такой она и должна быть. Обычная дешевая система видеонаблюдения. Записывает отдельные кадры, где-то раз в десять секунд. Все равно что делает фотографии.

– Почему? – спросил Макграт.

– Дешево и просто, – объяснил техник. – Таким способом на одну кассету можно записать целые сутки. Низкая цена, к тому же не надо заботиться о том, чтобы каждые три часа менять кассету. Ее можно переменить раз в день. Если исходить из разумного предположения, что похищение длилось больше десяти секунд, на кассете обязательно должно быть лицо преступника, по крайней мере один раз.

– Хорошо, – нетерпеливо сказал Макграт. – Но как же нам ее просмотреть?

Техник заработал одновременно двумя пальцами. Нажал воспроизведение и тотчас же паузу. На экране появилось четкое черно-белое изображение пустой химчистки. В нижнем левом углу дата и время – понедельник, семь тридцать пять утра. Протянув пульт Макграту, техник показал маленькую кнопку.

– Видите? Покадровый просмотр. Нажмете – перейдете на следующий кадр. Обычно это используется в спорте, понимаете? Например, в хоккее. Можно посмотреть, как шайба влетает в ворота. Или в порнухе. Можно посмотреть именно то, что хочется увидеть. Но в данном случае вы будете просто перескакивать через десять секунд. Как будто смотрите следующую фотографию, понятно?

Макграт несколько успокоился:

– А почему изображение черно-белое?

– Дешевая камера, – объяснил техник. – Вся система наблюдения дешевая. Такие устанавливают только потому, что этого требуют страховые компании.

Передав пульт Макграту, он направился к двери.

– Если я вам еще понадобится, зовите.

Ответа техник не услышал: трое агентов уже прильнули к экрану. Макграт начал дюйм за дюймом просматривать ленту. После

каждого нажатия кнопки по экрану проползала широкая полоса белого «снега», а затем появлялось новое изображение, такое же серое, снятое с той же точки, с того же ракурса, но только счетчик времени в левом нижнем углу перескакивал на десять секунд. В третьем кадре за стойкой появилась женщина. Милошевич ткнул пальцем в экран.

– Это приемщица, с которой я разговаривал.

– Поле зрения широкое, – заметил Макграт. – Видно все от стойки до входной двери.

– В видеокамере широкоугольный объектив, – сказал Броган. – Все равно что дверной глазок. Владельцу видно все. И то, как входят посетители, и то, не мухлюют ли с кассой приемщики.

Макграт продолжил медленное путешествие по утра понедельника, по десять секунд за шаг. В кадре появлялись и исчезали клиенты. Женщина за стойкой прыгала из стороны в сторону, принимая и выдавая вещи и пробивая чеки. На улице мелькали машины.

– Надо промотать до полудня, – предложил Милошевич. – Иначе уйдет слишком много времени.

Макграт нажал кнопку ускоренной перемотки вперед. Остановил кассету, нажал воспроизведение и паузу и попал на четыре часа дня.

– Проклятье!

Перематывая кассету в ту и в другую сторону, Макграт в конце концов попал на одиннадцать часов сорок три минуты и пятьдесят секунд.

– Точнее не получится.

Нажав кнопку покадрового просмотра, он не стал отнимать палец, и по экрану непрерывно замелькали белые полосы. Через сто пятьдесят семь кадров Макграт остановился.

– Вот она.

Милошевич и Броган прижались друг к другу плечами, чтобы лучше видеть экран. Изображение показывало Холли Джонсон вдалеке справа. Она была на улице, на тротуаре, с костылем в одной

руке и пакетами с одеждой – в другой. Одним пальцем открывала дверь. Счетчик времени в левом нижнем углу показывал двенадцать часов десять минут и десять секунд.

– Так, – тихо произнес Макграт, – будем смотреть дальше.

Он нажал кнопку, и Холли одним прыжком преодолела половину расстояния до стойки. Даже на застывшем, мутном черно-белом изображении была видна ее неловкая поза. Макграт снова нажал кнопку, и после того как промелькнула полоса «снега», Холли оказалась у стойки. Через десять секунд с ней рядом стояла кореянка. Еще десять секунд, и Холли, отогнув полу одного из костюмов, что-то показала приемщице. Вероятно, пятно грязи. Двенадцать кадров – две минуты – женщины продолжали стоять, склонившись над костюмом, чуть подергиваясь от изображения к изображению. Затем кореянка исчезла, и на протяжении пяти кадров Холли оставалась одна. Пятьдесят секунд. На втором из этих кадров у нее за спиной слева появилась машина, которая на трех последующих кадрах оставалась стоять у тротуара.

Приемщица вернулась с кипой одежды. Застыла в неестественной позе, раскладывая вещи на стойке. Через десять секунд оторвала пять бирок. Еще через десять – еще четыре бирки и встала за кассу.

– Девять костюмов, – отметил Макграт.

– Совершенно верно, – подтвердил Милошевич. – Пять на работу, с понедельника по пятницу, а четыре, наверное, на вечер.

– А как же выходные? – спросил Броган. – Может быть, пять на работу, два на вечер и два на выходные?

– А может быть, в выходные Холли ходит в джинсах, – заметил Милошевич. – В джинсах и рубашке. И стирает их в машине.

– Господи, какая разница! – остановил их Макграт.

Он нажал кнопку, и пальцы кореянки заплясали на клавишах кассового аппарата. На следующих двух кадрах было видно, как Холли расплачивается наличными и получает два доллара сдачи.

– Сколько же это может стоить? – спросил вслух Броган.

– Девять костюмов? – уточнил Милошевич. – Почти пятьдесят долларов в неделю. Я видел прейскурнт. Специальная обработка, особо нежные реактивы и все такое.

На следующем кадре Холли направилась к входной двери в левом углу. Виднелся затылок кореянки, уходящей в заднюю часть приемного пункта. Времени ровно пятнадцать минут первого. Пододвинув кресло, Макграт застыл в футе от мерцающего серого экрана.

– Так, Холли, и куда ты отправилась дальше?

В левой руке молодая женщина держала девять костюмов. Неуклюже поднимала их повыше, чтобы одежда не волочилась по полу. Правый локоть покоился в металлическом захвате костыля, но пальцы не сжимали рукоятку. На следующем кадре было видно, как Холли протянула правую руку, толкая входную дверь. Макграт снова нажал кнопку.

– Господи...

Милошевич громко ахнул, а Бруган ошеломленно раскрыл рот. Увиденное на экране не вызывало никаких сомнений. Незнакомый мужчина набросился на Холли Джонсон. Высокий, широкоплечий. Одной рукой схватил костыль, другой – пакеты с одеждой. Все очевидно. Мужчина стоял, протягивая к Холли руки, вырывая у нее костыль и вещи. Видеокамера отчетливо зафиксировала его через стеклянную дверь. Трое агентов смотрели на незнакомца. В зале совещаний стояла полная тишина. Наконец Макграт снова нажал кнопку. Счетчик времени перепрыгнул еще на десять секунд. У троих агентов вырвался новый вздох.

Холли Джонсон оказалась окружена тремя мужчинами. К высокому, выхватившему у нее костыль, присоединились еще двое. Высокий стоял, перекинув пакеты с одеждой через плечо, и сжимал руку Холли, повернувшись к стеклянной двери химчистки. Словно он знал, что там находится видеокамера. Двое других смотрели на Холли.

– Ей угрожали оружием! – воскликнул Макграт. – Твою мать, только посмотрите!

Снова ткнув кнопку, он дождался, когда внизу экрана исчезнет полоска «снега» и изображение снова станет четким. Двое новых типов держали правые руки согнутыми в локте, плечевые мышцы были напряжены.

– Машина, – высказал догадку Милошевич. – Сейчас Холли заташат в машину.

Позади Холли и троих мужчин стояла машина, подъехавшая к химчистке четырнадцать кадров назад. Она просто стояла у тротуара. Макграт нажал кнопку. Полоса «снега» проползла вниз. Случайные прохожие отскочили в сторону. Высокий, первым напавший на Холли, забирался в машину на заднее сиденье. Один из двоих других подталкивал Холли следом за ним. Другой открывал переднюю правую дверь. Через боковое стекло был отчетливо виден четвертый, сидящий за рулем.

Макграт снова нажал кнопку. Мельтешащая полоса проползла по экрану. Улица стала пустынной. Машина исчезла, как будто ее никогда не было.

Глава 13

– Нам нужно поговорить, – сказала Холли.

– Так говори, – ответил Ричер.

Они лежали на матрасах в полумраке кузова фургона. Их трясло и подбрасывало, но не слишком сильно. Не вызывало сомнений, что машина ехала по шоссе. После пятнадцати минут медленной езды по прямой дороге последовало замедление, короткая остановка, затем левый поворот и равномерный разгон по развилке. Небольшой толчок, когда фургон выскочил задним колесом на бордюр. И монотонное движение вперед, со скоростью миль шестьдесят в час, которое непрерывно продолжалось с тех самых пор и, казалось, будет продолжаться вечно.

Температура внутри кузова медленно повышалась. Теперь здесь было очень тепло. Ричер снял рубашку. Однако фургон остыл, простояв целую ночь в коровнике, и Ричер решил, что, пока машину будет обдувать встречный поток воздуха, в кузове будет терпимо. Проблемы начнутся только в том случае, если машина остановится на длительное время. Вот тогда кузов нагреется словно духовка, и снова станет так же плохо, как было вчера.

Двуспальный матрас стоял вертикально на длинной стороне, приваленный к передней стенке, а полуторный лежал на полу, образуя грубое подобие дивана. Однако прямой угол между сиденьем и спинкой делал все сооружение весьма неудобным. Поэтому Ричер отодвинул полуторный матрас назад, прокатив на нем Холли как на санях, а двуспальный уложил рядом. Получилась мягкая горизонтальная поверхность размером восемь на шесть футов. Ричер и Холли лежали на спине головой друг к другу, чтобы можно было разговаривать, ногами в разные стороны, и мягко покачивались в такт движению машины.

– Ты должен был сделать то, что я сказала, – начала Холли. – Бежать оттуда.

Ричер ничего не ответил.

– Ты мне обуза, – продолжила она. – Это понятно? У меня и так полно проблем, не хватает еще заботиться о тебе.

Ричер молчал. Они лежали, покачиваясь в полумраке. Ричер чувствовал аромат вчерашнего шампуня, исходящий от волос Холли.

– Итак, отныне ты будешь беспрекословно мне повиноваться, – снова заговорила Холли. – Ты меня слушаешь? Я просто не могу тратить силы, заботясь о тебе.

Повернув голову, Ричер посмотрел на Холли в упор. Она собирается о нем заботиться. Это явилось для него полной неожиданностью. Шоком. Ситуация была такая, будто он приехал на поезде на станцию и остановился на перроне рядом с другим поездом. Его поезд трогается, начинает набирать скорость. И вдруг выясняется, что его поезд не двигается. Тронулся другой поезд. А его поезд продолжает стоять на месте. Все дело в том, что изначально была выбрана ошибочная система координат. Ричер полагал, что движется его поезд. Холли была уверена, что ее.

– Мне не нужна твоя помощь, – продолжила она. – У меня уже и так есть вся помощь, какая мне только нужна. Ты знаешь, как работает Бюро? Знаешь, что у нас считается самым тяжким преступлением? Не терроризм, не наркотики и не рэкет. Самое тяжкое преступление – это когда обижают кого-нибудь из наших. ФБР заботится о своих людях.

Ричер помолчал. Улыбнулся.

– Значит, нам обоим ничего не угрожает. Мы просто спокойно лежим на месте, и скоро сюда ворвется отряд агентов, которые нас спасут.

– Я верю в своих товарищей, – заявила Холли.

Снова наступила тишина. Фургон монотонно катил вперед. Ричер мысленно отсчитывал расстояние. Они отъехали от Чикаго примерно на четыреста пятьдесят миль. На восток, на запад, на север или на юг. Вдохнув, Холли с помощью обеих рук поправила положение травмированной ноги.

– Болит? – участливо спросил Ричер.
– Когда сгибается. Когда лежит прямо – терпимо.
– В какую сторону мы направляемся?
– Ты сделаешь то, о чем я тебя прошу? – ответила она вопросом на вопрос.

– Воздух становится холоднее или теплее? Или не изменяется?

Холли пожала плечами:

– Не могу сказать. А что?

– Если мы едем на север или на юг, воздух должен становиться холоднее или теплее, – объяснил Ричер. – А если на восток или на запад, он должен оставаться более или менее таким же.

– На мой взгляд, температура не меняется. Однако здесь, в кузове, это определить трудно.

– Шоссе почти пустое, – продолжал рассуждать вслух Ричер. – Мы не выезжаем на встречную полосу, чтобы кого-нибудь обогнать. Нам не приходится сбавлять скорость. Мы просто равномерно едем вперед.

– Ну и что?

– Возможно, это означает, что мы направляемся не на восток, – сказал Ричер. – Там ведь есть что-то вроде барьера, так? От Кливленда через Питсбург до Балтимора. Своеобразная граница. Движение становится очень оживленным. Мы попали бы в плотный поток машин. Какой сегодня день, вторник? Около одиннадцати часов утра? Для востока дорога слишком свободна.

Холли кивнула:

– Значит, мы направляемся на север, на запад или на юг.

– В угнанном фургоне, – добавил Ричер. – Что довольно опасно.

– В угнанном? С чего ты взял?

– Машина, в которую нас затолкали у химчистки, тоже была угнанная.

– Как ты это определил?

– Потому что ее сожгли, – объяснил Ричер.

Перевернувшись, Холли посмотрела ему в лицо.

– Только задумайся, – продолжил Ричер. – Представь себе план похищения. Эти типы приехали в Чикаго на своей машине какое-то время назад. Возможно, им потребовалось две недели на слежку за тобой. А то и три.

– Три недели? – удивилась Холли. – Ты думаешь, за мной следили три недели?

– Скорее всего, три, – подтвердил он. – Ты ходишь в химчистку по понедельникам, так? Раз в неделю. Похитителям потребовалось какое-то время на то, чтобы установить закономерность. И они не могли посадить тебя в свою машину. В этом случае их было бы слишком легко проследить. К тому же в их машине наверняка есть окна, поэтому она не подходит для того, чтобы перевозить на большое расстояние похищенную жертву. Я считаю, что они угнали этот фургон в Чикаго, скорее всего, вчера утром. Закрасили надпись, которая была на кузове. Ты обратила внимание на пятно свежей белой краски, отличающейся по оттенку от остального кузова? Похитители перекрасили машину и, вероятно, сменили номера. Но машина по-прежнему остается угнанной. И она нужна для того, чтобы добраться до конечной цели. Поэтому похитители не стали рисковать, разъезжая на ней по улицам Чикаго. К тому же, когда людей запихивают в заднюю дверь фургона, это выглядит странно. Поэтому они угнали черный седан и воспользовались им. Пересели из одной машины в другую на заброшенной стоянке, сожгли черный седан и тронулись в путь.

Холли поморщилась.

– Из твоих рассуждений никак не следует, что эти типы что-либо угоняли.

– Следует, – возразил Ричер. – Кто станет покупать новую машину с кожаной обивкой салона, зная, что ее придется сжечь?

Холли неохотно кивнула.

– Кто эти люди? – спросила она, обращаясь не столько к Ричеру, сколько к самой себе.

– Дилетанты. Они совершают одну ошибку за другой.

– Например, какие?

– Сжигать машины глупо. Это привлекает ненужное внимание. Похитители считают, что поступили умно, но это не так. Велика вероятность, что они сожгли и ту машину, на которой приехали в Чикаго. Готов поспорить, сожгли ее неподалеку от того места, где был угнан черный седан.

– А мне кажется, это был умный ход, – заметила Холли.

– Полицейские обращают внимание на сожженные машины. Они обнаружат черный седан, выяснят, откуда он был угнан, отправятся туда и найдут машину, на которой похитители приехали в Чикаго. Возможно, она будет еще дымиться. Это след, Холли. Похитителям нужно было оставить обе машины на стоянке в аэропорту О’Хара. Прошел бы целый год, прежде чем на них обратили бы внимание. А можно было оставить обе машины где-нибудь в Саут-Сайде^[2], незапертые, с ключами в замке зажигания. Две минуты спустя двое жителей этого района получили бы себе по новому транспортному средству. И эти машины никто и никогда больше не увидел бы. Вот как нужно замечать следы. Сожженная машина кажется хорошим, окончательным решением проблемы, но на самом деле это огромная глупость.

Отвернувшись, Холли уставилась на раскаленную металлическую крышу. Она спросила себя: кто же такой на самом деле этот человек?

Глава 14

На этот раз Макграт не стал просить старшего техника спуститься на третий этаж. Он сам с видеокассетой в руке поднялся в лабораторию, расположенную на шестом этаже. Распахнул дверь и расчистил место на ближайшем столе. Положил кассету так, словно она была сделана из чистого золота. Подоспевший старший техник удивленно посмотрел на нее.

– Мне нужно сделать фотографии, – объяснил Макграт.

Взяв кассету, техник отнес ее к стойке с видеомэгнитофонами в углу. Щелкнул выключателями. Ожили три экрана, запорошенные белым «снегом».

– И ты ни одной живой душе не обмолвишься о том, что сейчас увидишь, хорошо? – сказал Макграт.

– Хорошо, – согласился техник. – Что я должен переснять?

– Последние пять кадров. На них будет все.

Техник не стал пользоваться пультом дистанционного управления. Он нажимал кнопки прямо на видеомэгнитофоне. Кассета прокрутилась назад, показав задом наперед историю похищения Холли Джонсон.

– Господи! – ахнул техник.

Он остановил ленту на том кадре, где Холли отворачивалась от стойки. Затем стал медленно прокручивать ленту вперед. Холли отскочила к двери, столкнулась лицом к лицу с высоким типом, оказалась под дулами пистолетов, села в машину. Техник перемотал кассету назад и прокрутил ее второй раз. Затем третий.

– Господи, – пробормотал он.

– Только не затри пленку, – предупредил его Макграт. – Мне нужны увеличенные снимки этих пяти кадров. Много копий.

Техник кивнул:

– Я прямо сейчас могу вывести изображение на лазерный принтер.

Он понажимал на кнопки, щелкнул тумблерами. Затем сходил в противоположный угол и загрузил компьютер. На мониторе появилась Холли, выходящая из химчистки. Техник вызвал экранное меню, щелкнул мышью.

– Дело сделано, – объявил он. – Я сохранил этот кадр на жестком диске в виде графического файла.

Вернувшись к видеомэгнитофону, техник прокрутил кассету вперед на один кадр. Снова возвратился к компьютеру и сохранил кадр, на котором Холли открывала входную дверь. Повторил тот же самый процесс трижды. Распечатал все пять изображений на лазерном принтере. Макграт, подойдя к компьютеру, подхватывал теплые листы бумаги еще до того, как они падали в приемный лоток.

– Неплохо, – сказал он. – Я предпочитаю бумагу видео. Она мне кажется какой-то более осязаемой.

Техник удивленно посмотрел на него:

– Это вы правильно подметили.

– Я хочу увеличить лица, – продолжил Макграт.

– Теперь, когда снимки в компьютере, это можно сделать без труда. Вот почему компьютер лучше бумаги.

Сев за клавиатуру, он открыл четвертый файл. На экране появилось изображение Холли и троих похитителей, обступивших ее плотным кольцом. Щелкнув мышью, техник заключил лица в рамку. Снова щелкнул мышью. На экране появилось увеличенное изображение четырех лиц. Высокий тип смотрел в объектив. Двое других стояли боком и смотрели на Холли.

Отправив изображение на печать, техник открыл пятый файл и вывел на экран увеличенное изображение лица водителя, сидящего в машине. Распечатал и его. Макграт выхватил из принтера новые листы.

– Хорошо. По крайней мере, ничего лучше пока нет. Жаль, что твой чертов компьютер не может заставить всех троих повернуться лицом к объективу.

– Может, – возразил техник.

– Может? – удивился Макграт. – Каким образом?

– Ну, это не совсем так, – объяснил техник, показывая пальцем на увеличенное изображение лица Холли. – Предположим, мы хотели снять Холли в фас. В этом случае мы бы попросили ее встать перед видеокамерой и посмотреть в объектив. Но допустим, она по какой-то причине не может двигаться. Что нам делать в этом случае? Мы можем переместить видеокамеру, правильно? Представьте, что вы забрались на стойку, открутили видеокамеру от потолка, опустили ее вниз, пронесли вперед и установили прямо перед Холли. В этом случае мы бы увидели ее лицо в фас, верно?

– Ну да, – согласился Макграт.

– А теперь мы произведем расчеты, – продолжил техник. – Прикинем, на какое расстояние нам пришлось бы переместить камеру, если бы мы установили ее перед Холли. Скажем, шесть футов вниз, десять футов влево, развернуть на сорок градусов – и Холли будет смотреть в объектив. Достаточно ввести эти данные в компьютер, и программа произведет необходимые пересчеты и нарисует новую картинку, как будто мы на самом деле переместили видеокамеру.

– И ты можешь это сделать? – недоверчиво спросил Макграт. – У тебя получится?

– Конечно, с определенной степенью погрешности, – объяснил техник. Он ткнул пальцем в лицо одного из похитителей. – Вот этот тип, к примеру, стоит к камере в профиль. Компьютер нарисует его в фас без проблем, но относительно второй половины лица ему придется гадать. Он запрограммирован предполагать, что обе половины похожи друг на друга. В программу встроена некоторая асимметрия, однако, если у этого типа отсутствует одно ухо или на противоположной стороне шрам, мы этого не определим.

– Хорошо, – сказал Макграт. – Что тебе нужно?

Техник выбрал общий снимок троих нападавших.

– Расстояния. Измерьте их как можно точнее. Мне нужно знать положение камеры относительно двери и уровня тротуара. А также

фокусное расстояние объектива. Для масштабирования принесите фотографию Холли из личного дела. Нам же известно, как именно она выглядит, так? Ее лицо можно будет использовать для настройки параметров. Если Холли получится у меня правильно, значит и похитители тоже получатся правильно, если исходить из предположения, что у них по два уха и так далее, о чем я уже говорил. И еще принесите мне одну плитку из тех, которыми вымощен пол в химчистке, и одежду, что была на приемщице.

– Это еще зачем? – удивился Макграт.

– Тогда я смогу распознать оттенки серого на видеоизображении и выдать вам снимки в цвете.

* * *

Командир назначил шесть женщин из провинившихся, которым в это утро предстояло отработать наказание. Он отобрал тех, чьи проступки были самыми серьезными, потому что предстоящая работа должна была стать тяжелой и неприятной. Выстроив всех шестерых, командир, здоровенный широкоплечий верзила, стал расхаживать перед ними, выжидая, которая первой отведет взгляд. Удовлетворенный тем, что ни одна из женщин не осмелилась сделать это, он объяснил, в чем будет состоять их задача. Вся комната была залита кровью, разбрызганной мощной центробежной силой циркулярной пилы. Повсюду разлетелись осколки костей. Командир приказал женщинам греть воду на кухне и носить ее в ведрах. Щетки, половые тряпки и моющие средства они должны будут взять на складе. Командир предупредил, что через два часа помещение должно выглядеть девственно-чистым. Малейшая задержка приведет к новым наказаниям.

* * *

На то, чтобы измерить все расстояния и углы, ушло два часа. В химчистку отправились Милошевич и Бруган. Закрыв заведение, они облазили его, словно бригада криминалистов, производящих осмотр места преступления. Составили подробный план с точностью до четверти дюйма. Сняли установленную под потолком видеокамеру наблюдения и забрали ее с собой. Вскрыли пол и вытащили несколько плиток. Забрали одежду приемщицы, а заодно захватили два плаката, висевших на стене, решив, что это поможет восстановить цвета. После того как Милошевич и Бруган вернулись на второй этаж здания ФБР, старший техник потратил еще два часа на то, чтобы ввести всю информацию в компьютер. Затем он запустил тест, чтобы настроить программу по фотографии Холли Джонсон.

Макграт внимательно посмотрел на увеличенное изображение лица молодой женщины, выведенное на принтер. Передал его своим агентам. Последним изображение получил Милошевич; он изучал его дольше всего, закрывая отдельные участки ладонью, прищуриваясь.

– По-моему, Холли получилась слишком худой, – наконец сказал он. – И нижний правый угол искажен. Сжат по вертикали.

– Согласен, – подтвердил Макграт. – Поэтому подбородок у Холли какой-то странный.

Вернувшись в главное меню программы, техник подправил пару параметров. Снова запустил тест. Зажужжал лазерный принтер. Из него выполз лист бумаги.

– Вот так лучше, – заметил Макграт. – И нос стал прямым.

– Колер подходит? – спросил техник.

– Персиковый цвет должен быть темнее, – сказал Милошевич. – Я имею в виду костюм. Я его хорошо помню. Дорогой, итальянский.

– Покажите, – сказал техник, выводя на экран многоцветную палитру.

Милошевич ткнул в один из квадратиков.

– По-моему, вот такой.

Техник снова запустил программу. Загудел жесткий диск, зажужжал принтер.

– Так больше похоже, – удовлетворенно произнес Милошевич. – Цвет костюма полностью совпадает. И волосы стали лучше.

– Ну хорошо, – заявил техник, сохраняя параметры на жестком диске. – Теперь принимаемся за работу.

ФБР никогда не использует самые последние модели техники. Считается, что лучше работать с тем, что уже проверено в работе. Поэтому компьютер старшего техника работал не так быстро, как компьютеры богатых мальчиков, живущих в престижных домах района Норт-Шор. Но и не намного медленнее. Через сорок минут Макграт получил пять распечатанных на принтере изображений. Четыре крупных плана лиц похитителей и снимок их машины. Все изображения в цвете, и никакой зернистости, несмотря на сильное увеличение. Макграт пришел к выводу, что лучших снимков ему еще не приходилось видеть.

– Спасибо, – поблагодарил он старшего техника. – Отлично сработано. Лучшее, что было сделано в этих стенах за последнее время. Но никому ни слова. Рот на замке, договорились?

Он похлопал техника по плечу, и тот проникся уверенностью, что он самый важный человек во всем отделении.

* * *

Шесть женщин трудились усердно и уложились точно в срок. Сложнее всего им пришлось с тонкими щелями между досками. Щели оказались достаточными для того, чтобы в них затекла кровь, но слишком узкими, чтобы туда проникал ворс щеток. Женщинам пришлось вымывать бурые подтеки, обильно поливая их водой. Доски потемнели. Женщины молили Бога о том, чтобы от влаги они не начали коробиться. Двоих вырвало. Это увеличило объем работ. И все же женщины успели закончить отмывать комнату к приходу

командира. Выстроившись вдоль стены, они ждали, пока он проверял их работу. Командир заглянул повсюду. Половицы скрипели под его грузной тушей. Но в конце концов он остался доволен работой и дал женщинам еще два часа на то, чтобы они отмыли от пятен крови коридор и лестницу, по которым тащили труп.

* * *

С машиной все оказалось просто. В ней сразу же опознали «лексус». Четырехдверный седан. Последняя модель. На это однозначно указывали форма бампера и решетка радиатора. Цвет черный или темно-серый. Определить точнее было невозможно. Компьютерная программа могла многое, и все же ей было не по силам однозначно определить цвет темного автомобиля, стоявшего на ярком солнце.

– Угнана? – спросил Милошевич.

– Практически стопроцентно, – ответил Макрат. – Займись проверкой, хорошо?

Независимо от колебаний курса иены стоимость нового «лексуса» была приблизительно равна годовому заработку Милошевича, поэтому он сразу понял, где следует искать, а куда можно и не соваться. Милошевич решил, что южнее Чикаго-Луп^[3] забираться не следует. Поэтому он связался с полицией Чикаго, а затем со всеми участками на Норт-Шор вплоть до Лейк-Форест.

Попадания в цель Милошевич добился перед самым полуднем. Правда, он получил не совсем то, что искал. Не угнанный «лексус», а пропавший. Милошевичу перезвонили из полицейского участка в Уилметте и сообщили, что один зубной врач выехал оттуда на работу на новеньком «лексусе» в семь часов утра и поставил машину на стоянку перед клиникой. Мануальный терапевт, работающий в соседнем кабинете, видел, как дантист сворачивал на стоянку. Но в клинике он так и не появился. Медсестра позвонила домой, и жена

связалась с полицией Уилметта. Приняв ее заявление, полицейские не предприняли никаких действий. Им не раз приходилось иметь дело с исчезнувшими мужьями. Они сообщили Милошевичу, что фамилия зубного врача Рубин, машина у него цвета «черный металлик», а номерной знак тщеславный дантист заказал себе индивидуальный: «ОРТО 1».

Не успел Милошевич положить трубку, как телефон зазвонил снова. Это было сообщение от управления пожарной охраны Чикаго. Пожарный расчет выехал на тушение горящего автомобиля. Столб маслянистого черного дыма поднимался над пустырем неподалеку от аэропорта Мейгс. Прибыв на место, расчет обнаружил пылающий черный «лексус». Рассудив, что машину все равно уже не спасти, пожарные решили не тратить пену и просто дали «лексусу» догореть до конца. Уточнив, где именно это произошло, Милошевич побежал к Макграту за приказаниями.

– Поезжай туда и проверь все, – ответил тот.

Милошевичу всегда нравилось бывать в разъездах. Это давало возможность прокатиться на новеньком «форде-эксплорер», который Милошевич предпочитал убогим машинам Бюро. И начальство ничего не имело против, потому что он никогда не клянчил на бензин для личной машины. Поэтому Милошевич проехал на своем новом большом сверкающем внедорожнике пять миль на юг и без труда обнаружил дымящийся остов «лексуса». Машина находилась на неровной бетонной площадке за заброшенным промышленным зданием. Покрышки сгорели дотла, и машина стояла на ободьях. Номерной знак еще можно было разобрать: «ОРТО 1». Смахнув пепел, еще теплый, Милошевич вытащил из замка зажигания обугленный ключ и открыл багажник. Тотчас же отшатнулся. Его вырвало. Он стоял, обливаясь потом, и сплевывал на бетон кислую желчь. Придя в себя, Милошевич достал сотовый телефон и позвонил в кабинет Макграта.

– Я разыскал дантиста.

– Где?

– В багажнике собственной машины, – пробормотал Милошевич. – Поджаренного на медленном огне. Похоже, когда машина загорелась, он был еще жив.

– Господи, – ахнул Макграт. – Ты думаешь, это как-то связано?

– Никаких сомнений.

– Ты уверен?

– Никаких сомнений, – повторил Милошевич. – Я нашел кое-что еще. Сильно обгоревшее, но сомнений нет. Пистолет тридцать восьмого калибра и металлические петли как в дамской сумочке. Монеты, тюбик губной помады, металлические детали сотового телефона и пейджера. И девять проволочных вешалок на полу. Такие выдают в химчистке.

– Господи, – повторил Макграт. – Твои выводы?

– Преступники угнали «лексус» в Уилметте, – сказал Милошевич. – Вероятно, дантист застиг их за этим занятием. Его избили и запихнули в багажник. А потом сожгли вместе с остальными уликами.

– Проклятье! – выругался Макграт. – Но где Холли? У тебя никаких мыслей?

– Ее отвезли в аэропорт Мейгс. До него около полумили. Посадили в частный самолет, а машину бросили здесь. Именно так все и произошло. Холли переправили по воздуху. Четыре типа, способные сжечь человека заживо, переправили ее неизвестно куда. Возможно, она сейчас в миллионе миль отсюда.

Глава 15

Белый фургон монотонно катил вперед еще час, преодолев за это время около шестидесяти миль. Часы у Ричера в голове отсчитали от одиннадцати до двенадцати часов дня. Он начал ощущать первые признаки беспокойства. Прошли уже сутки. Двадцать четыре часа. Завершилась первая фаза, началась вторая. И пока никакого прогресса. К тому же становилось неуютно. Воздух в закрытом кузове накалился. Ричер и Холли лежали на горячих матрасах. Темные волосы Холли, рассыпавшиеся веером, были влажными от пота. С левого бока они падали Ричеру на голое плечо.

– Это потому, что я женщина? – спросила она. – Или потому, что моложе? Или и то и другое?

– Что потому? – устало спросил Ричер.

– Ты полагаешь, что должен заботиться обо мне, – продолжила Холли. – Ты беспокоишься обо мне, потому что я молода и потому что я женщина? Ты считаешь, что я нуждаюсь в помощи более опытного мужчины?

Ричер зашевелился. На самом деле у него не было никакого желания двигаться. Ему было неудобно, но он был доволен тем, что имел. В особенности ему было приятно ощущать прикосновение волос Холли к плечу. В жизни всегда так. Во всем можно найти светлые стороны.

– Итак? – настаивала Холли.

– Твой пол тут ни при чем, Холли, – ответил Ричер. – И возраст тоже. Но помощь тебе нужна, ты согласна?

– Я молодая женщина, а ты многоопытный мужчина. Следовательно, ты и есть тот, кто будет помогать, а не наоборот, правильно?

Ричер помотал головой, не отрывая ее от матраса.

– Твой пол тут ни при чем, – повторил Ричер. – И возраст тоже. Я хочу тебе помочь только потому, что ты нуждаешься в помощи, а я

могу ее оказать.

– Ты рискуешь по-глупому, – настаивала Холли. – Провоцируешь похитителей, настраиваешь их против нас. Пойми же, так ты ничего не добьешься. Нас обоих прикончат.

– Чушь, – возразил Ричер. – Эти ублюдки должны видеть в нас людей, а не груз.

– Кто это сказал? – резко произнесла Холли. – С чего это ты вдруг стал крупным специалистом?

Он пожал плечами:

– Позволь задать тебе один вопрос. Если бы ты была на моем месте, ты бы бросила меня одного в коровнике?

Холли задумалась.

– Разумеется, бросила бы.

Ричер улыбнулся. Возможно, Холли говорила правду. За это он проникся к ней симпатией.

– Ну хорошо. Когда ты в следующий раз прикажешь мне уйти, я исчезну. Без возражений.

Холли молчала довольно долго.

– Ладно, – наконец сказала она. – Если ты действительно хочешь мне помочь, ты поступишь именно так.

Ричер передвинулся на полдюйма ближе к ней.

– Для тебя это может кончиться очень плохо. Если я сбегу, ублюдки могут запаниковать и смыться, предварительно прикончив тебя.

– И все же я рискну, – упрямо заявила Холли. – За это мне и платят.

– Но кто нас похитил? – спросил Ричер. – И что этим людям нужно?

– Понятия не имею.

Холли ответила слишком быстро. Ричер понял, что она догадывается.

– Им ведь нужна ты, правильно? – продолжил он. – Или ты лично, или им был нужен любой агент ФБР, а ты просто подвернулась под

руку. Сколько в Бюро агентов?

– В ФБР двадцать пять тысяч сотрудников, – сказала Холли. – Из них десять тысяч – агенты.

– Хорошо. Значит, похитителям нужна именно ты. Один на десять тысяч – вероятность случайного совпадения слишком мала.

Холли отвела взгляд. Ричер вопросительно посмотрел на нее.

– Холли, почему выбрали именно тебя?

– Не знаю, – ответила она.

Слишком быстро. Ричер снова посмотрел на нее. Голос Холли звучал уверенно, но в нем присутствовал какой-то вызов.

– Я ничего не знаю, – повторила она. – Могу только предположить, что меня по ошибке приняли за кого-то другого.

Ричер рассмеялся и повернулся к ней, коснувшись щекой ее волос.

– Ты шутишь, Холли Джонсон. Такую женщину, как ты, ни с кем спутать невозможно. И за тобой следили на протяжении трех недель. Времени достаточно, чтобы хорошо познакомиться.

Усмехнувшись, Холли отвернулась и уставилась на металлическую крышу.

– Увидев один раз, не забудешь никогда, так? Эх, если бы.

– Ты в этом сомневаешься? – сказал Ричер. – Ты самая красивая женщина из всех, кого я видел на этой неделе.

– Спасибо, Ричер. Сегодня вторник. Ты впервые увидел меня в понедельник. Так что это весьма сомнительный комплимент.

– Но ты поняла мою мысль.

Холли уселась на полу, согнувшись в пояснице, как гимнастка, и обеими руками передвинула в сторону больную ногу. Опустилась на матрас, опираясь на локоть. Закинула волосы за ухо и посмотрела на Ричера.

– Я никак не могу в тебе разобраться.

Ричер спокойно выдержал ее взгляд.

– Если у тебя есть какие-то вопросы, задавай их. Я обеими руками за свободу информации.

– Хорошо. Вот первый вопрос: кто ты такой, черт побери?

Он улыбнулся:

– Джек Ричер. Без среднего имени, возраст тридцать семь лет и восемь месяцев, не женат, работаю вышибалой в клубе в Чикаго.

– Неправда!

– Неправда? – повторил он. – Какая именно часть? Имя, возраст, семейное положение или род занятий?

– Род занятий. Ты не вышибала из клуба.

– Вот как? А кто же я?

– Ты военный, – уверенно заявила Холли. – Ты служишь в армии.

– Да?

– Это очевидно. Мой отец военный. Всю свою жизнь я провела на военных базах. До тех пор пока мне не исполнилось восемнадцать, я видела вокруг себя одних военных. Я знаю, как они выглядят. Знаю, как они себя ведут. Я догадывалась, что ты служишь в армии. А когда ты снял рубашку, я убедилась наверняка.

Ричер усмехнулся:

– Почему? Это очень грубый поступок, выдающий настоящего солдафона?

Холли улыбнулась. Покачала головой, разметав волосы. Согнутым пальцем заправила их обратно за ухо.

– Шрам у тебя на животе. Швы наложены ужасно. Это работа полевого госпиталя. Вся операция заняла не больше полутора минут. Если бы такие швы наложил гражданский хирург, на него сразу же подали бы в суд за профессиональную некомпетентность.

Ричер провел пальцем по затянувшейся ране. Швы напоминали схему железнодорожных путей оживленной станции.

– У того парня было очень много работы. На мой взгляд, получилось весьма неплохо, принимая в расчет обстоятельства. Это было в Бейруте. Моя рана по серьезности шла в самом конце списка. Я лишь медленно истекал кровью.

– Значит, я права? – сказала Холли. – Ты военный?

Ричер усмехнулся:

– Я вышибала в клубе, как я уже говорил. Заведение в Саут-Сайде, там исполняют блюз. Тебе следует как-нибудь заглянуть в него. Он гораздо лучше, чем те места, куда водят туристов.

Холли перевела взгляд с огромного шрама на лицо и поджала губы. Ричер кивнул, уступая.

– Я действительно служил в армии. Но уволился четырнадцать месяцев назад.

– В каких частях?

– Военная полиция.

Холли насмешливо покачала головой:

– Худшие из худших. Вас никто не любит.

– Можешь мне не рассказывать.

– Это многое объясняет, – согласилась Холли. – Вы проходите специальную подготовку. Так что ты действительно знаешь, что к чему. Черт побери, ты должен был сразу же выложить все начистоту. А теперь мне, наверное, нужно извиниться перед тобой за свои слова.

Ричер ничего не ответил.

– В каких краях ты служил?

– Мне пришлось поколесить по всему свету. Европа, Дальний Восток, Ближний Восток. Проще сказать, где я не побывал.

– Звание?

– Майор.

– Медали?

Ричер пожал плечами:

– Пара десятков. Самых разных. Ты же должна это знать. Разумеется, медали армейских кампаний. Плюс Серебряная звезда, две Бронзовые, «Пурпурное сердце» за Бейрут, медали за участие в операциях в Панаме и на Гренаде, за «Щит в пустыне» и «Бурю в пустыне».

– Серебряная звезда? – спросила Холли. – За что?

– За Бейрут. Вытащил кое-кого из бункера.

– И был при этом ранен? Вот как ты получил шрам и «Пурпурное сердце»?

– Я уже был ранен до того, как попал в бункер. Наверное, именно это произвело впечатление на начальство.

– Значит, ты герой?

– Вовсе нет, – со смешком ответил Ричер. – Я ничего не чувствовал. Ни о чем не думал. Я не оправился от шока. Лишь через какое-то время я понял, что меня зацепило. Если бы я это знал, то свалился бы без чувств. Из распоротого живота вываливались внутренности. Выглядели они ужасно. Ярко-розовые, мясистые.

Холли помолчала. Фургон катил вперед. Проехал еще двадцать миль. На север, на запад или на юг. Вероятно.

– Сколько лет ты прослужил в армии?

– Всю свою жизнь. Мой старик служил в морской пехоте, его тоже побросало по всему свету. Он женился на француженке в Корее. Я родился в Берлине. До девяти лет ни разу не был в Штатах. А едва попав в них, сразу же отправился на Филиппины. Наша семья кружила по всему миру. Дольше всего на одном месте – четыре года – я пробыл, когда учился в академии Уэст-Пойнт. Затем я пришел в армию, и все началось сначала. Теперь уже я сам кружил по всему миру.

– Где сейчас твои родные? – спросила Холли.

– Умерли. Старик умер... когда? Кажется, десять лет назад. Два года спустя умерла мать. Я похоронил вместе с ней Серебряную звезду. На самом деле это она заслужила ее. Она не уставала повторять: «Делай то, что должен делать». По миллиону раз на день, с сильным французским акцентом.

– Братья и сестры?

– У меня был брат. Он умер в прошлом году. Насколько мне известно, я последний Ричер на земле.

– Когда ты уволился?

– В апреле прошлого года. Четырнадцать месяцев назад.

– Почему?

Ричер пожал плечами:

– Наверное, просто потерял интерес. Началось сокращение расходов на оборону. Армия стала слишком большой. И мне показалось, что раз не нужна большая и хорошая армия, я тоже не нужен. Мне не хотелось быть частью чего-то маленького и второсортного. Поэтому я уволился. Ну как, ты считаешь меня заносчивым дураком?

Холли рассмеялась:

– И ты стал вышибалой? Подумать только! Из майора, награжденного боевыми медалями, в вышибалы! По-моему, это полная деградация.

– Все совсем не так. Я вовсе не собирался становиться вышибалой, то есть превращать эту работу в дело всей жизни. Это лишь временное. В Чикаго я попал только в пятницу. И намеревался уехать где-нибудь в среду. Хотел отправиться, например, в Висконсин. Кажется, в это время года там очень неплохо.

– С пятницы по среду? – удивилась Холли. – Ты такой неусидчивый?

– Наверное. На протяжении тридцати шести лет я всегда делал то, что мне приказывали другие. Вел строго упорядоченную жизнь. И сейчас, наверное, восстал против нее. Мне нравится переезжать с места на место тогда, когда я этого хочу. Что-то вроде наркотика. Уволившись из армии, я однажды провел на одном месте десять дней – самый большой срок. Это было прошлой осенью, в Джорджии. Десять дней за четырнадцать месяцев. Все остальное время я практически непрерывно находился в движении.

– Зарабатывая на жизнь вышибалой в ночных клубах? – спросила Холли.

– Этот случай вообще из ряда вон выходящий. Большую часть времени я вообще не работаю, а живу на сбережения. Но я приехал в Чикаго вместе с одним певцом, дальше одно за другим – и мне предложили поработать в клубе, куда направлялся этот парень.

– А чем ты занимаешься, когда не работаешь?

– Смотрю по сторонам. Не забывай, что я тридцатисемилетний американец, но почти не бывал в Америке. Ты поднималась на смотровую площадку небоскреба Эмпайр-стейт-билдинг?

– Разумеется.

– А я не поднимался, – признался Ричер. – До прошлого года. Ты была в музеях Вашингтона?

– Естественно.

– А я не был. До прошлого года. И все такое. Бостон, Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго, Новый Орлеан, гора Рашмор, пролив Золотые Ворота, Ниагарский водопад. Я веду себя как турист. Наверстываю упущенное.

– А у меня все наоборот, – сказала Холли. – Я люблю путешествовать за границей.

– Я уже достаточно насмотрелся за границей, – откликнулся Ричер. – На всех шести континентах. И пока что мне хочется оставаться здесь.

– Я повидала все Штаты. В свое время мой отец поездил по всему свету, но мы жили здесь, если не считать двух поездок в Германию.

Ричер вспомнил время, которое провел в Германии сам, сначала в детстве, затем будучи взрослым человеком. Всего несколько лет.

– И именно в Европе ты полюбила европейский футбол?

– Верно. Там его все любят. Однажды нам пришлось остановиться рядом с Мюнхеном. Я тогда была еще маленькой, лет одиннадцать. Моему отцу дали билеты на важный матч в Роттердаме, это в Голландии. Финал европейского кубка, мюнхенская «Бавария» против одной английской команды. «Астон Вилла», слышал о такой?

– Из Бирмингема, – кивнул Ричер. – Одно время я был расквартирован в Оксфорде. Это в часе езды.

– Я почему-то возненавидела немцев, – продолжила Холли. – Такие заносчивые, такие наглые. Уверенные, что учинят англичанам полный разгром. Я не хотела идти на стадион и быть свидетелем этого. Но мне пришлось. Этого требовал протокол НАТО. Если бы я не пошла, разразился бы большой скандал. Поэтому мы пошли всей

семьей. И англичане разделали немцев. Немцы были в ярости. Я была в восторге. А ребята из «Астон Виллы» играли просто классно. Вот тогда я и влюбилась в футбол. И люблю его до сих пор.

Ричеру тоже нравился европейский футбол. Однако он привыкал к нему постепенно, с раннего детства. Игра на первый взгляд очень незатейливая, но на самом деле техничная и увлекательная, полная скрытых сюрпризов. Ричер мог понять, как маленькая девочка много лет назад заразилась в Европе футболом. Стадион в Роттердаме, заполненный ликующей толпой, яркие огни прожекторов. Девочка начинала следить за игрой с неохотой, но вскоре ее зачаровали движения белого мяча по зеленому газону. К концу матча она окончательно влюбилась в эту игру и сохранила любовь до сих пор. И все же в словах Холли Ричер услышал тревожный звонок. Как мог отказ одиннадцатилетней дочери американского военного присутствовать на матче стать причиной конфликта в руководстве НАТО? Но кажется, Холли сказала именно так.

– Кто твой отец? – спросил Ричер. – Судя по твоим словам, он был какой-то большой шишкой.

Холли ничего не ответила. Ричер долго смотрел на нее. У него в голове зазвонил еще один тревожный звонок.

– Холли, черт побери, кто твой отец?

Ее лицо стало каменным. Молчание.

– Кто, Холли? – настойчиво повторил Ричер.

Она отвернулась. Заговорила, обращаясь к стальному борту фургона. Ее голос потонул в шуме дороги. Но в нем прозвучал вызов.

– Генерал Джонсон, – чуть слышно произнесла Холли. – В то время он был главнокомандующим вооруженными силами НАТО в Европе. Ты его знаешь?

Потрясенный Ричер молча смотрел на нее. Генерал Джонсон. Холли Джонсон. Отец и дочь.

– Я с ним встречался, – наконец сказал он. – Но ведь дело не в этом?

Холли яростно сверкнула глазами:

– А в чем? В чем, черт побери?

– Это и есть причина. Твой отец – самый высокопоставленный военный в Америке, так? Вот почему тебя похитили, Холли. Этим ребятам нужна не Холли Джонсон, агент ФБР. Бюро вообще оказалось замешано случайно. Им нужна дочь генерала Джонсона.

Повернувшись, Холли посмотрела на него так, словно он дал ей пощечину.

– Ну почему? Ну почему, черт возьми, все считают, что все происходящее со мной как-то связано с отцом?

Глава 16

Взяв с собой Брогана, Макграт встретился с Милошевичем в аэропорту Мейгс. Он также захватил с собой четыре фотографии, выполненные с помощью компьютера, и снимок Холли Джонсон. Макграт рассчитывал на полное взаимопонимание со стороны обслуживающего персонала аэропорта. И он его нашел. Да и как иначе можно было встретить троих агентов ФБР, переживающих за своего коллегу?

Мейгс – небольшой аэропорт, обслуживающий коммерческие рейсы, – находится на самом берегу озера и с трех сторон граничит с водой. Расположенный в самом конце Двенадцатой улицы, он судорожно пытается выжить в тени своего гигантского собрата О’Хара.

Вся документация аэропорта была в полном порядке, администраторы знали свое дело. Не настолько, чтобы мгновенно ответить на вопросы сотрудников ФБР, свалившихся как снег на голову, но все же чувствовалось, что они зарабатывают на жизнь в соперничестве с крупнейшим в мире аэропортом. Сотрудники Мейгса горели желанием помочь, и с их помощью Макграт уже через тридцать секунд понял, что этот путь ведет в тупик.

Обслуживающий персонал Мейгса решительно заявил, что никогда не видел ни Холли Джонсон, ни кого-либо из четверых похитителей. И уж точно не в понедельник, около часу дня. В этом они были категоричны. Причем их уверенность не была напускной. Это была уверенность людей, изо дня в день провожающих маленькие самолеты в самое оживленное воздушное пространство на планете.

К тому же в понедельник из Мейгса между полуднем и, скажем, тремя часами дня не вылетел ни один подозрительный самолет. Это не вызывало сомнений. Документы однозначно показывали это. Трое агентов разочарованно покинули администрацию аэропорта.

Сотрудники Мейгса забыли о них еще до того, как они дошли до своих машин.

– Итак, возвращаемся на первую клетку, – сказал Макграт. – Отправляйтесь в Уилметт прояснить дело с этим зубным врачом. Меня ждут другие дела. И я должен позвонить Уэбстеру. В Вашингтоне, наверное, от волнения уже на стены лезут.

* * *

В тысяче семистах двух милях от аэропорта Мейгс молодой человек, удалившись в лес, ждал инструкций. Он был хорошим, подготовленным агентом, однако у него не было опыта оперативной работы. Спрос на агентов, которых можно внедрять в различные преступные группировки, всегда превышает предложение. Бюро приходится напрягаться, чтобы заткнуть все дыры. Этим и определяется выбор таких неопытных людей. Парень надеялся, что до тех пор, пока он будет помнить, что не знает ответов на все вопросы, все будет в порядке. Самолюбие ему несколько не мешало. Он был всегда готов попросить указаний. Он действовал очень осторожно. Трезво оценивал свои способности. И сейчас парень понимал, что столкнулся с чем-то, что выходило за границы его возможностей. Дела непреклонно шли все хуже и хуже, угрожая привести к настоящей катастрофе. Что именно могло произойти, парень не знал. Просто его не покидало нехорошее предчувствие. Но он доверял своим чувствам. Доверял настолько, что, не дойдя до своего тайника, остановился и развернулся. Выдохнув, переменил решение и пошел в ту сторону, откуда только что пришел.

* * *

Уэбстер ждал звонка Макграта. Это было очевидно. Макграта сразу же соединили с директором, как будто тот просто сидел в своем кабинете и ждал, когда зазвонит телефон.

– Есть какие-нибудь успехи? – спросил Уэбстер.

– Да, кое-что. Мы установили, что произошло. Все случившееся зафиксировано видеокамерой наблюдения в химчистке. Холли вошла в десять минут первого. Вышла через пять минут. Ее встретили четверо. Трое стояли на улице, один ждал в машине. Они схватили Холли.

– И что дальше?

– Похитители приехали на угнанном «лексусе». Судя по всему, владельца они убили. Они перевезли Холли на пять миль и сожгли машину. Вместе с владельцем, запертым в багажнике. Он сгорел заживо. Зубной врач по фамилии Рубин. Что случилось с Холли, нам пока что неизвестно.

Гарленд Уэбстер ответил не сразу.

– Есть смысл тщательно обыскать окрестности? – наконец спросил он.

Настал черед Макграта задуматься. Понять, что имеет в виду Уэбстер. Искать место, где затаились похитители, или еще один труп?

– Мое нутро говорит «нет», – сказал Макграт. – Похитители должны понимать, что мы обязательно прочешем всю округу. Мне кажется, Холли уже перевезли в другое место. Возможно, очень далеко.

Снова наступила тишина. Макграт буквально слышал, как работают мысли Уэбстера.

– Думаю, я должен с тобой согласиться, – наконец сказал директор ФБР. – Ее перевезли. Но как? Сухопутным путем? По воздуху?

– Только не по воздуху, – решительно заявил Макграт. – Мы изучили все коммерческие рейсы, состоявшиеся вчера. Ничего не подходит.

– Ну а если Холли вывезли вертолетом? – предположил Уэбстер. – Тайком, не ставя в известность авиадиспетчеров?

– В Чикаго это невозможно. Особенно по соседству с аэропортом О’Хара. Здесь больше радиолокаторов, чем во всей военной авиации. Если бы в воздухе появился неопознанный вертолет, мы бы об этом знали.

– Ну хорошо, – согласился Уэбстер. – Это дело надо распутать как можно скорее. Убийство и похищение... Мак, меня не покидает нехорошее чувство. Ты предполагаешь наличие второй угнанной машины, которая встретила с «лексусом»?

– Вероятно, – подтвердил Макграт. – Сейчас мы как раз это проверяем.

– Есть какие-нибудь мысли по поводу того, кто похитители?

– Нет, – признался Макграт. – Нам удалось получить с видеокассеты довольно неплохие снимки. Обработанные компьютером. Немедленно высылаем их вам. Похитителей четверо, белые, возраст между тридцатью и сорока годами, трое чем-то похожи друг на друга, нормальное телосложение, опрятные, коротко стриженные волосы. Четвертый тип высокий, по оценке компьютера, шесть футов пять дюймов. По моим предположениям, именно он у них главный. Это он первым схватил Холли.

– Относительно мотива есть какие-нибудь предположения?

– Пока что никаких.

Снова наступила тишина.

– Ну хорошо, – сказал Уэбстер. – Никому ни слова.

– Молчу как рыба. Нас всего трое.

– Кого ты пригласил?

– Брогана и Милошевича.

– Ребята толковые?

Макграт недовольно фыркнул. Как будто иначе он выбрал бы их!

– Оба близко знакомы с Холли, – объяснил он. – И оба знают свое дело.

– Не нытики? – спросил Уэбстер. – Спокойные, серьезные люди, такие, какие были раньше?

– На моей памяти они ни разу не жаловались. Ни на что. Оба выполняют любую работу, оба готовы задерживаться допоздна. И я ни разу не слышал, чтобы они ворчали по поводу зарплаты.

Уэбстер рассмеялся:

– Слушай, а клонировать их нельзя?

Недолгая вспышка веселья быстро погасла. И все же Макграт оценил попытку директора разрядить обстановку.

– Сэр, а у вас как дела?

Тон Уэбстера снова стал серьезным.

– Что ты имеешь в виду, Мак?

– Старик вас не слишком донимает? – уточнил Макграт.

– Какой?

– Генерал.

– Пока что нет, – сказал Уэбстер. – Он справлялся сегодня утром, однако говорил исключительно вежливо. Впрочем, так бывает всегда. Первые два дня родители, как правило, сохраняют спокойствие. Все проблемы начинаются позже. И генерал Джонсон вряд ли станет исключением. Хоть он и большая шишка, под внешней оболочкой люди ведь одинаковые, правильно?

– Правильно, – подтвердил Макграт. – Если он захочет узнавать все из первых рук, пусть звонит мне. Быть может, ему так будет легче.

– Хорошо, Мак, спасибо, – сказал Уэбстер. – Но по-моему, о зубном враче нам лучше пока помолчать. С ним все дело начинает выглядеть гораздо хуже. Направляй мне все, что у тебя будет. Я посажу наших людей за работу. И ни о чем не беспокойся. Мы вернем Холли. Бюро заботится о своих. И всегда выручает тех, кто попал в беду.

* * *

Выйдя из леса, парень столкнулся нос к носу с командиром. У него хватило ума вытянуться в струнку и отдать честь. Он заметно нервничал, однако это можно было отнести к обычному волнению новобранца, столкнувшегося с командиром. Ничего подозрительного. Парень стоял и ждал, когда к нему обратятся.

– Для тебя есть работа, – сказал командир. – Ты ведь молод, так? Разбираешься в технике?

Парень с опаской подтвердил:

– Так точно, сэр, имею кое-какой опыт.

– Мы раздобыли новую игрушку, – сказал командир. – Сканер, прослушивает радиочастоты. Я хочу следить за эфиром.

У парня заледенела кровь.

– Зачем, сэр? Вы полагаете, кто-то использует радиопередатчик?

– Такое не исключено, – подтвердил командир. – Я не доверяю никому и подозреваю всех. Осторожности никогда не может быть слишком много. И особенно сейчас. Надо вникнуть в мелочи. Знаешь это выражение? «Гений проявляется в мелочах».

Сглотнув комок в горле, парень кивнул.

– Так что разворачивай сканер, – сказал командир. – Надо будет организовать посменное дежурство. Две смены, шестнадцать часов в день, хорошо? Сейчас нам необходима постоянная бдительность.

Развернувшись, командир пошел прочь. Парень облегченно вздохнул. Непроизвольно оглянулся в ту сторону, где остался тайник, и поблагодарил Бога за то, что прислушался к предчувствию.

* * *

Милошевич отвез Брогана в Уилметт на своей новой машине. Они завернули к почтовому отделению, чтобы Броган отправил алименты своим бывшим женам. Затем направились к дому, в котором жил убитый дантист. У стоянки за домом дежурил полицейский в форме. Он даже не попытался извиниться за то, что его коллеги положили

под сукно заявление жены. Милошевич устроил ему разнос, словно бедняга был лично в ответе за похищение Холли Джонсон.

– Мужья часто исчезают, – оправдывался полицейский. – Такое происходит сплошь и рядом. Это же Уилметт. Мужчины здесь такие же, как и везде, но только у них гораздо больше денег, на которые можно исчезнуть. Что мы могли сделать?

Милошевич был неумолим. Полицейский совершил две ошибки. Во-первых, он предположил, что ФБР привело в Уилметт убийство зубного врача. Во-вторых, его больше беспокоило то, как прикрыть свою задницу, и он понятия не имел о четырех убийцах, среди бела дня схвативших прямо на улице Холли Джонсон. Но затем он искупил свою вину.

– Что случилось с народом? – сказал полицейский. – Повадились жечь машины. Какой-то козел сжег машину на берегу озера. Теперь надо убирать ее остов. Местные жители подняли шум.

– Где это случилось? – встрепнулся Милошевич.

Полицейский постарался описать место как можно точнее.

– На стоянке на самом берегу. На Шеридан-роуд, рядом с парком Вашингтона. Ничего подобного мне видеть не приходилось, по крайней мере в Уилметте.

Милошевич и Бруган захотели взглянуть на место своими глазами. Они поехали следом за сверкающей полицейской машиной. Полицейский проводил их до озера. Оказалось, это была не легковая машина, а пикап, десятилетний «додж». Без номеров. Облитый бензином, он сгорел практически дотла.

– Это произошло вчера, – объяснил полицейский. – Машину обнаружили где-то в половине восьмого утра. Ее видели водители, направлявшиеся на работу, и один за другим звонили нам. – Он обошел вокруг обгорелого остова. – Мое мнение – машина не местная.

– Почему? – спросил Милошевич.

– Ей ведь десять лет, так? В наших краях есть несколько пикапов, но они все новенькие, как игрушечные. Восьмицилиндровые

двигатели, сверкающие хромированные поверхности. Такое старье никто держать не будет.

– Ну а садовники, монтеры, прислуга?

– Но зачем ее жечь? – спросил полицейский. – Если старая машина больше не устраивает, ее просто меняют на новую. Зачем выбрасывать деньги?

Милошевич немного подумал.

– Ну хорошо. Тогда пикапом займется Бюро. Мы пришлем тягач, чтобы его забрали. А вы до тех пор охраняйте машину. Никого к ней близко не подпускайте, понятно?

– А в чем дело? – удивился полицейский.

– На этой машине приехали похитители. Они бросили ее здесь, а сами угнали «лексус» и уже на нем отправились на дело.

Полицейский посмотрел на взволнованное лицо Милошевича, затем перевел взгляд на сгоревший пикап. У него мелькнула мысль, что четверо человек вряд ли могли уместиться в кабине «доджа», но он ничего не сказал, чтобы не выставлять себя на посмешище.

Глава 17

Холли сидела на матрасе, опираясь подбородком на согнутое колено и вытянув больную ногу. Ричер сидел рядом, опираясь одной рукой о пол, а другую погрузив в волосы.

– А что насчет твоей матери? – наконец спросил он.

– Твой отец был знаменитым? – в свою очередь спросила его Холли.

Ричер покачал головой:

– Едва ли. Ну, его знали в части, в которой он служил.

– Значит, ты понятия не имеешь, что это такое. Что бы с тобой ни происходило, черт побери, обязательно к этому причастен твой отец. Я окончила школу с отличием, поступила в Йельский университет, а затем в Гарвард, устроилась работать на Уолл-стрит, но на самом деле это была не я, а некая странная личность – «дочь генерала Джонсона». То же самое было и тогда, когда я перешла работать в Бюро. Все считают, что мне поспособствовал отец, и до сих пор половина нашего отделения относится ко мне подчеркнута любезно, а вторая половина, наоборот, подчеркнута грубо, только чтобы показать, что им все равно.

Ричер задумчиво кивнул. Сам он превзошел своего отца. Пошел дальше, оставив старика позади. Но Ричер знал детей знаменитых родителей. Сыновей великих военачальников. Даже внуков. Как бы ярко они ни горели, их свет неизменно тускнел в сиянии их великих предков.

– Хорошо, это нелегко, – наконец согласился Ричер. – И всю остальную жизнь ты стараешься не обращать на это внимания, однако в настоящий момент это приходится принимать в расчет. Сейчас произошло что-то серьезное.

Холли устало вздохнула. Ричер взглянул на нее.

– А ты сама когда догадалась? – спросил он.

– Сразу же. Как я уже говорила, это вошло в привычку. Все вокруг уверены, что ко всему, что происходит со мной, причастен мой отец. В том числе и я сама.

– Ну, спасибо за то, что в конце концов открылась мне.

Холли ничего не ответила. Наступила тишина. Воздух в кузове стал спертым и удушливым; жара смешивалась с монотонным гулом дороги. Ричеру казалось, что он тонет в каком-то густом вареве, образованном темнотой, жарой и шумом. Однако больше всего его мучила неопределенность. Ему много раз приходилось по тридцать часов кряду проводить в транспортных самолетах, в гораздо худших условиях. Но сейчас к мучениям Ричера добавилось новое измерение – полная неопределенность.

– Так что насчет твоей матери? – снова спросил он.

Холли покачала головой:

– Она умерла от рака. Мне тогда было двадцать лет.

– Извини. – Ричер помолчал. – Братья и сестры?

– Я единственная в семье.

Он неохотно кивнул:

– Этого я и опасался. Понимаешь, я тешил себя надеждой, что дело в ком-то другом. Ну, может быть, мать у тебя судья, или брат конгрессмен, или еще что-нибудь.

– Забудь об этом. Я одна. Я и папа. Так что это все из-за папы.

– Ну а он-то тут при чем? Черт побери, чего хотят добиться похитители? Выкупа? Об этом нечего и думать. Твой отец – большая шишка, но он всего лишь военный, всю свою жизнь он карабкался по армейским должностным окладам. Согласен, поднимался он быстрее многих, но все же я хорошо знаю, что такое армейские оклады. Я сам жил на них тринадцать лет. Я не разбогател, и твой отец тоже. По крайней мере, не настолько, чтобы кому-нибудь могла прийти мысль о выкупе. Если кто-то мечтал получить хороший выкуп, похитив чью-либо дочь, в одном только Чикаго нашелся бы миллион более заманчивых кандидатур.

– Все дело в высоком положении, которое занимает папа, – согласилась Холли. – В его распоряжении находятся два миллиона человек и годовой бюджет в двести миллиардов долларов. А это очень большое влияние.

Ричер покачал головой:

– Нет, и в этом все дело. Я не могу представить, как это можно использовать.

Поднявшись на колени, Ричер пополз вперед.

– Что ты задумал, черт возьми? – окликнула его Холли.

– Нам надо поговорить с похитителями. Прежде чем мы попадем туда, куда нас везут.

Подняв кулак, он изо всех сил заколотил по перегородке напротив того места, где, по его предположению, должна была находиться голова водителя.

Ричер колотил до тех пор, пока не добился желаемого. На это потребовалось какое-то время. Несколько минут. У него разболелся кулак. Но фургон свернул на обочину и начал останавливаться. Под колесами зашуршал гравий. Заскрежетали тормоза. Инерция вжала Ричера в переборку. Холли перекатилась пару футов по матрасу. Ахнула от боли, подвернув колено.

– Мы съехали с шоссе, – заметил Ричер. – Похоже, вокруг никого на много миль.

– Ричер, ты совершаешь большую ошибку.

Пожав плечами, он взял Холли за руку и помог ей усесться спиной к перегородке. Затем переполз назад, усаживаясь напротив двери. Трое похитителей вылезли из кабины. Хлопнули двери. Послышались шаги по гравию. Двое обходили грузовик справа, один слева. Повернулся ключ в замке. Опустилась ручка.

Левая половина задней двери приоткрылась на два дюйма. Внутрь просунулось дуло ружья. Ричер успел разглядеть в щель полоску неба, не говорящую ни о чем. Чистая голубизна, мелкие белые облака. Такое небо можно увидеть в любой точке Западного полушария. Затем в щели показался «глок», зажатый в руке. Манжета

хлопчатобумажной рубашки. Рука, державшая «глок», не шевелилась, словно каменная. Лодер.

– Надеюсь, ты потревожила нас не из-за пустяков, сучка.

Враждебный, напряженный голос.

– Нам нужно поговорить, – откликнулся Ричер.

В узкую щель протиснулся второй «глок». Заметно дрожащий.

– О чем, козел? – крикнул Лодер.

Его голос звучал на грани срыва. Вторым «глоком» выписывал случайные зигзаги.

– Ребята, у вас ничего не получится, – сказал Ричер. – У того, кто приказал вам сделать это, не все дома. Быть может, он собирался сделать что-то умное, но на самом деле сделал страшную глупость. Этим вы ничего не добьетесь. Наоборот, вы очутитесь по уши в дерьме.

За дверью кузова наступила тишина. Она продолжалась одно мгновение, однако достаточно долго для того, чтобы Ричер понял, что Холли была права и он совершил большую ошибку. Уверенно зажатый в руке «глок» исчез. Ружье дернулось, словно меняя хозяина. Ричер бросился вперед и, сбив Холли, прижал ее к матрасу. Дуло ружья взметнулось вверх. Послышался щелчок курка и, через какую-то долю секунды, оглушительный грохот. Ружье выстрелило в крышу. Мощный заряд. В тонком металлическом листе появилась сотня маленьких отверстий. Сотня маленьких точек, вспыхнувших голубым светом. Мятая дробь градинками посыпалась на пол. Наконец отголоски выстрела потонули в ватном гуле временной глухоты.

Ричер ощутил, как захлопнулась дверь. Полоска дневного света исчезла. Трое похитителей забрались в кабину, и фургон качнулся на рессорах. Затарахтел дизель. Резко дернувшись вперед, машина вильнула влево, выезжая на шоссе.

* * *

Первым, что услышал Ричер, когда к нему вернулся слух, был тоскливый свист воздуха, врывающегося через сотню дырок в потолке, оставленных дробью. По мере того как грузовик глотал милю за милей, свист становился все громче. Сотня пронзительных свистков, разбросанных в интервале двух полутонов, которые переливались и ссорились друг с другом, словно песнь лишившейся слуха пташки.

– Просто безумие, – сказала Холли.

– Ты имеешь в виду меня или их? – произнес Ричер в качестве извинения.

Холли с трудом уселась у стенки. Обеими руками уложила больную ногу. Отверстия в крыше пропускали в кузов свет. Достаточно для того, чтобы Ричеру было видно лицо Холли. Он прочитал, что было на нем написано. Увидел мимолетное выражение боли. Слово шторы опустились на глаза и тотчас же поднялись. Встав на колени, Ричер смахнул с матраса дробинки. Они загрохотали на стальном полу.

– Вот теперь тебе точно нужно убираться отсюда, – сказала Холли. – Иначе ты дождешься, что тебя убьют.

На ее волосах плясали яркие блики.

– Я это серьезно, – продолжила она. – Каким бы крутым ты ни был, я не могу допустить, чтобы ты остался.

– Знаю.

Воспользовавшись своей рубашкой, Ричер сгреб дробинки в кучку у двери. Затем расправил матрас и улегся, мягко покачиваясь в такт движению и уставившись в продырявленный лист железа над головой. Дырки, оставленные дробью, напоминали карту далекой галактики.

– Мой отец сделает все, чтобы выволить меня, – уверенно произнесла Холли.

Теперь говорить стало труднее, чем раньше. К реву двигателя и шелесту покрышек добавился пронзительный свист дырявой крыши. Полный спектр шума. Холли лежала рядом с Ричером, прижавшись

головой к его голове. Ее рассыпавшиеся волосы щекотали ему щеку и шею. Затем Холли устроилась поудобнее, вытянула ноги. Между телами по-прежнему оставалось какое-то расстояние, словно они образовывали изящную букву «V». Однако угол стал более острым.

– Но что мы можем сделать? – спросил Ричер. – Давай прикинем.

– Несомненно, похитители выдвинут какие-то требования. Сам знаешь: «Или вы делаете то-то и то-то, или вашей девочке будет плохо».

Она говорила медленно, и ее голос слегка дрожал. Уронив свою руку в пространство, разделяющее их, Ричер нащупал руку Холли. Мягко ее пожал.

– Это совершенно бессмысленно, – возразил он. – Сама подумай. Чем занимается твой отец? Проводит в жизнь долгосрочную политику и обеспечивает боевую готовность. Долгосрочную политику определяют конгресс, президент и министр обороны, так? И если председатель объединенного комитета начальников штабов встанет у них поперек пути, они его просто сместят. Особенно если будет известно, что на него оказывается давление.

– Ну а боевая готовность войск? – спросила Холли.

– То же самое, – сказал Ричер. – Твой отец – председатель комитета, в который входят начальники штабов сухопутных сил, военно-морского флота, авиации и морской пехоты. Если все они не станут подпевать твоему отцу, это недолго останется тайной, верно? И твоего отца опять же сместят. Выведут его из уравнения.

Холли повернула голову. Посмотрела на Ричера.

– Ты уверен? А что, если эти ребята работают, например, на Ирак? Предположим, Саддам Хусейн хочет снова захватить Кувейт, но боится новой «Бури в пустыне». Он похитил меня, и теперь мой отец скажет: «Извините, это невозможно» – и придумает тысячу разных отговорок.

Ричер пожал плечами:

– Ты сама ответила на свой вопрос. Отговорки будут надуманными. В действительности мы можем повторить «Бурю в

пустыне», если захотим этого. Без труда. Всем это известно. Так что, если твой отец начнет это отрицать, все сразу поймут, что он лжет, и догадаются почему. И его просто отстранят. В армии нет места для чувств. Если похитители задумали именно это, они напрасно теряют время. У них ничего не получится.

Холли ответила не сразу.

– Тогда, может быть, это месть, – медленно промолвила она. – Быть может, моему отцу мстят за то, что он сделал в прошлом. Опять-таки мне приходит на ум Ирак. Быть может, кто-то хочет, чтобы отец принес извинения за «Бурю в пустыне». Или за Панаму, за Гренаду или еще за что-нибудь.

Ричер лежал на спине, покачиваясь в такт движению. Сквозь отверстия в крыше в кузов проникал ветерок. Из-за этой своеобразной вентиляции внутри стало значительно прохладнее. А может быть, все объяснялось сменой настроений.

– Все это чересчур сложно, – наконец сказал Ричер. – Надо обладать слишком извращенным умом, чтобы винить во всем председателя объединенного комитета начальников штабов. Есть и более очевидные цели. Более важные персоны. Президент, министр обороны, сотрудники государственного департамента, генералы, непосредственно командовавшие частями. Если бы Багдад действительно хотел кого-нибудь публично унижить, выбрали бы человека, который у всех на виду, а не штабную крысу из Пентагона.

– Тогда в чем же дело, черт побери? – спросила Холли.

Ричер снова пожал плечами:

– В конечном счете ни в чем. Похитители не продумали все до конца. Вот что делает их такими опасными. Они знают свое дело, но они глупы.

* * *

Фургон размеренно катился вперед на протяжении еще шести часов. По оценке Ричера, проехал еще триста пятьдесят миль. Внутри стало прохладнее, но Ричер больше не пытался определить по температуре направление, в котором они ехали. Расчеты сбили дыры в крыше, сделанные дробью. Вместо этого Ричеру приходилось полагаться только на голые рассуждения. Грузовик отъехал от Чикаго на восемьсот миль, и не в восточном направлении. Все равно выбор возможностей был очень широким. Ричер мысленно прошелся по карте по часовой стрелке. Машина могла доехать до Джорджии, Алабамы, Миссисипи, Луизианы. До Техаса, Оклахомы, до юго-западной оконечности Канзаса. Не западнее. На мысленной карте в голове Ричера в этих местах сгущались коричневые краски, которые показывали восточные склоны гор, а фургон пока что не начинал затяжные подъемы. Оставались еще Небраска и Южная Дакота. Быть может, Ричеру предстояло проехать мимо горы Рашмор, второй раз в жизни. А может быть, они миновали Миннеаполис и углубились в Северную Дакоту. Восемьсот миль от Чикаго – гигантская дуга, пересекающая весь континент.

* * *

Свет, проникающий сквозь отверстия в крыше, уже несколько часов как сменился темнотой, когда наконец фургон сбавил скорость и свернул вправо. Поднялся по насыпи. Холли, заворочавшись, повернула голову. Посмотрела на Ричера. В ее глазах появился вопрос. Ничего не ответив, Ричер стал ждать. Фургон остановился на мгновение, потом повернул направо. Проехал прямо, вильнул влево, вправо, опять поехал прямо, но медленнее. Усевшись на полу, Ричер нащупал рубашку. Натянул ее. Холли тоже села.

– Еще одно тайное убежище, – заметила она. – Ричер, эта операция была тщательно спланирована.

Теперь это оказалась конюшня. Фургон потрясся на ухабах и развернулся. Сдал назад. Один из похитителей вылез из кабины. Хлопнула дверь. Машина задним ходом заехала в какое-то замкнутое пространство. Шум двигателя гулко отразился от стен. Воздух наполнился запахом навоза и лошадиного пота. Двигатель заглох. Остальные двое похитителей также вылезли из кабины. Все трое собрались у задней двери фургона. В замке повернулся ключ. Дверь со скрипом приоткрылась. В щель просунулось ружье, на этот раз направленное не вверх, а горизонтально.

– Вылезайте, – приказал Лодер. – Сначала сучка. Без посторонней помощи.

Холли застыла. Затем, пожав плечами, проползла по матрасу. Дверь распахнулась настежь; две пары рук схватили молодую женщину и вытащили ее наружу. Показался водитель, целившийся из ружья в Ричера. Указательный палец напряженно застыл на спусковом крючке.

– Эй, козел, сделай что-нибудь, – сказал он. – Пожалуйста, дай мне повод!

Ричер молча смотрел на него. Прошло пять долгих минут. Наконец ружье дернулось вперед. Рядом с ним появился «глок». Лодер махнул рукой. Ричер медленно прополз навстречу двум дулам. Нагнувшись, Лодер защелкнул у него на запястье наручники. Просунул в свободное кольцо цепь и застегнул его. Дернув за цепь, вытащил Ричера из фургона. Это действительно была конюшня. Деревянное сооружение. Значительно меньше коровника, в котором они провели прошлую ночь. Значительно более старое. Представитель предыдущего поколения сельскохозяйственных построек. Два ряда стойл вдоль центрального прохода. Пол, вымощенный каменными плитками, зелеными от мха.

Центральный проход был достаточно широким для лошадей, но слишком узким для фургона. Машина остановилась сразу же за воротами. Ричер разглядел за ней рамку ночного неба. Такое может быть где угодно. Его, словно лошадь, протащили по вымощенному

плитками проходу. Лодер держал цепь. Стиви шел рядом с Ричером, высоко подняв руку и приставив «глок» ему к виску. Водитель шел последним, уткнув ствол ружья Ричеру в почки. Они остановились в последнем стойле, самом дальнем от ворот. Холли приковали в стойле напротив. Один браслет наручников был у нее на запястье правой руки, через второй был пропущен отрезок цепи, прикрепленной другим концом к чугунному кольцу, прикрученному к задней стене стойла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Молниеносно
и brutally.

The New York
Times

ЛИ ЧАЙЛД

ДЖЕК РИЧЕР:

ЦЕНА
ЕЕ ЖИЗНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Примечания

1

Мемфис Слим – знаменитый блюзовый пианист 1940–1980-х годов.

[Вернуться](#)

2

Саут-Сайд – неблагополучный район Чикаго.

[Вернуться](#)

3

Чикаго-Луп (от англ. loop – петля) – деловой, торговый и культурный центр Чикаго.

[Вернуться](#)